

№2
Февраль 2013

УССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

*Банк ВТБ – Генеральный спонсор
Московского Международного
Кинофестиваля*

8 (800) 200–77–99

звонок по России бесплатный
www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Гига ЛОРДКИПАНИДЗЕ
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№2⁽⁸⁸⁾
Февраль 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ВСПОМИНАЯ ВЫСОЦКОГО...
АННА БЕЛОВА
- 9 ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ
МАНАНА МЕНАБДЕ
- 10 ВРЕМЯ ТИТАНОВ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 14 НАШЕСТВИЕ ИНОПЛАНЕТЯН С ТАГАНКИ
ВАЛЕРИЙ ПАРТУГИМОВ
- 16 ПЛАМЯ И СЛАВА СТАЛИНГРАДА
ЛЕВАН ДОЛИДЗЕ
- 19 ЛЮБОВЬ ТИФЛИССКОГО ПОВАРА
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 22 В ОДНОЙ СВЯЗКЕ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 26 СТУРУА ВЕРНУЛСЯ С «БУРЕЙ»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 28 А КАРАВАН ИДЕТ...
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 32 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 37 НОМО САНТОР
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 40 ЛЕТОПИСЕЦ ОТЕЧЕСТВА
ТАТЬЯНА УРУСОВА
- 42 НЕРУКОТВОРНЫЙ ПАМЯТНИК
НИНель МЕЛКАДЗЕ
- 46 СЛОВО О УЧИТЕЛЕ
ГИЗО УРУШАДЗЕ
- 51 КТО МЕДВЕДЮ БОК ГРЕЕТ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 53 БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК С ДУШОЙ РЕБЕНКА
АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ
- 54 АКТРИСА С ЕВРОПЕЙСКИМ СТЕРЖНЕМ

На обложке – Эльдар ШЕНГЕЛАЯ

от до

ДЕНЬ ПАМЯТИ ЦАРЕЙ

8 февраля закончили свои земные дни три русских царя из дома Романовых – отец и два его сына – Алексей Михайлович, Иван V и великий Петр I. Это потрясающее совпадение, конечно же, не осталось незамеченным историками и всегда вызывало волну оценок их деятельности, сравнения между собой и споры об их исторической значимости.

Если об Иване Алексеевиче, рано ушедшем безвольном и болезненном соправителе Петра Великого, мало что можно сказать – настолько он был безликий и тихий, то об их отце Алексее Михайловиче, кстати, прозванном Тишайшим, сказать можно

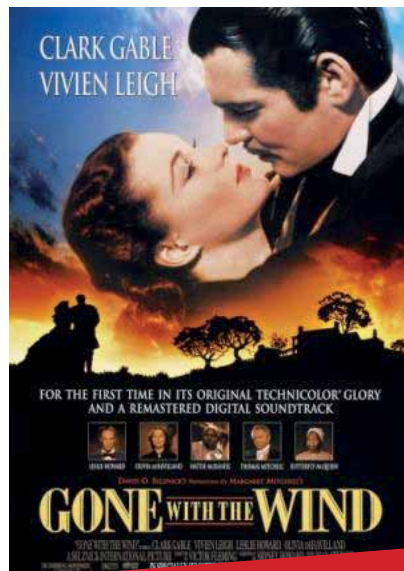
немало. Многие даже считают, что легендарные петровские реформы начались именно с него. Судите сами: он прожил всего 47 лет, более тридцати лет удерживался на троне в чуть ли не самые лихие годы русской истории – «соляной бунт», «медный бунт», городской бунт 1648 года, восстание Степана Разина, длительные войны с Польшей и Швецией плюс еще церковный раскол. А Тишайший сумел сохранить державу в относительном порядке и даже оставить наследникам некоторую экономическую базу и военную мощь, чтобы было с чего

начать изменять русскую жизнь.

Ну, а о его младшем сыне Петре Алексеевиче и его роли в российской истории лучше всего сказал Михаил Погодин: «Наше платье шито по фасону иностранному, данному Петром. Сукно выткано на фабрике, которую он завел, шерсть пострижена с овец, которых он развел... Все вещи будут напоминать вам о нем. Одни введены Петром в употребление, другие привезены на его корабле, в его гавань, по его дороге. За обедом все блюда от соленых сельдей до виноградного вина, им разведенного, будут говорить вам о Петре. Поедете в гости – это прежние петровские ассамблеи. Встретите там дам – именно благодаря ему они были допущены в мужскую компанию. Попадется на глаза книга – это он придумал этот шрифт и даже сам вырезал буквы. Принесут газеты – и их начал Петр Великий...»

КАК НАЧИНАЛАСЬ «ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

195 лет назад 9 февраля 1818 года в Петербурге вышел в свет главный труд Николая Карамзина «История Государства Российского». Первые восемь томов были напечатаны неслыханным для того времени тиражом в 3000 экземпляров. Карамзин работал над ним больше 15 лет. Ему пошли навстречу – молодой Александр I распорядился назначить его официальным историографом и предоставил неограниченный доступ к архивам. Вслед за царем свои материалы ему предоставили Синодальное хранилище библиотеки Троицкой Лавры и Волоколамского монастыря. Не остались в стороне и коллекционеры книг – Мусин-Пушкин и канцлер Румянцев. Карамзин не был профессиональным историком и оттого не ставил целью выдвигание какой-то оригинальной научной концепции. Он в первую очередь был литератором. И он постарался наполнить фактографическим материалом не только саму «Историю», но и обширные примечания. Государь Александр Павлович в самом начале работы попросил Карамзина написать «не скушно, а интересно» – «выбрать, одушевить и раскрасить» и сделать из русской истории нечто привлекательное и достойное внимания не только русских, но и иностранцев. К слову, карамзинскую «Историю» печатали без цензуры.

УНЕСЕННЫЙ ВЕТРОМ

23 февраля 1883 родился знаменитый американский кинорежиссер Виктор Флеминг. Эта фамилия очень распространенная и нередко вызывает ассоциации с создателем пенициллина. Так бы и осталось Виктору всего лишь однофамильцем, если бы он не снял «Унесенных ветром» – наверное, один из самых знаменитых фильмов всех времен и народов. Хотя ни в какой кинематограф поначалу Флеминг не собирался. Гонимые автомобили, яхты, самолеты и красивые женщины – что еще нужно было настоящему мужчине. Пока однажды к нему, 19-летнему, не нагрянул его университетский приятель и не попросил помочь разобраться с технической новинкой – киноаппаратом. Виктор, любивший технику, с легкостью это сделал, затем увлекся киносъемками, а еще спустя какое-то время попал в энциклопедию мирового кинематографа.

К ВОПРОСУ О ПАРТИЙНОЙ СКРОМНОСТИ

75 лет назад 3 февраля 1938 года вышло секретное постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома «О дачах ответственных работников». В этом документе, в частности, говорилось: «Ряд арестованных заговорщиков (Рудзутак, Антипов, Карахан, Ягода и др.) понастроили себе грандиозные дачи – дворцы в 15-20 и более комнат, где они роскошествовали и тратили народные деньги, демонстрируя этим свое полное бытовое разложе-

ние и перерождение».

Далее следовал суровый вывод с призывом сохранять партийную совесть, скромность и не строить себе огромных хором. А также были установлены «приемлемые нормы» загородных помещений для руководящих работников: не более 7-8 комнат для семейных и 4-5 для несемейных. А в то же самое время на среднего советского человека приходилось по 2-3 квадратных метра жилья, а о дачах никто и не смел мечтать. Посмотрели бы авторы этого постановления на дома нынешней Рублевки!

ЮБИЛЕЙ «ТИХОГО» БИТЛА

25 февраля могло бы исполниться 70 лет знаменитому Джорджу Харрисону. Этот самый младший представитель ливерпульской четверки, самый внешне привлекательный и самый непубличный музыкант, ровно в 26 лет в последний раз приступил к записи альбома со своими уже бывшими друзьями, зная, что это конец их совместного творчества. Это было в 1969 году, а альбом назывался «Abbey road». Нелегко после этого было заново начинать жизнь, когда тебя уже знал весь мир и ждал, соответственно, новых всплесков гениальности, а ты был всего лишь новичком, привыкшим работать в тесной команде. Но как ни странно, Джордж, который не написал и десятой части всех битловских песен, оказался чуть ли не самым успешным из Битлз в период своей сольной карьеры. Только он со своим My Sweet Lord и Леннон с его Imagine сумели в постбитловскую эпоху достичь высот, сравнимых с периодом расцвета квартета. Харрисон оставался верным другом для старых соратников, благотворителем.

БОРИСА НА ЦАРСТВО!

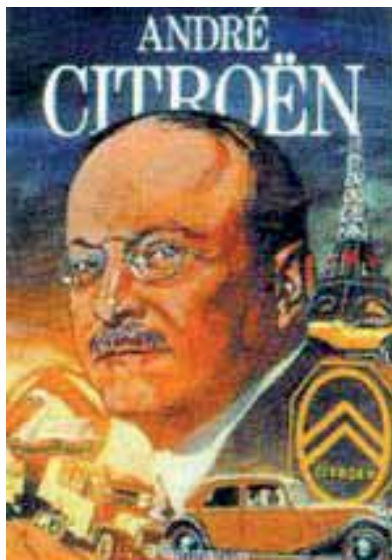
На Земском соборе, созванном после смерти царя Федора Иоанновича, не оставившего после себя наследников, был избран царем брат его жены Ирины боярин Борис Годунов. Так пресеклась династия Рюриковичей и чуть было не возникла новая династия Годуновых. Борис

Федорович не был новичком в управлении страной. Он был кем-то вроде премьер-министра еще в последние годы Ивана Грозного и все время царствования своего зятя. При Федоре он правил практически единолично и показал себя как талантливый государственный деятель. Но вот царем он оказался неудачным и неудачливым. Современные историки считают, что ему не хватило авторитета у народа – все же за Рюриковичами было много сотен лет правления. Его царствование длилось всего семь лет, а после он внезапно скончался. Этот талантливый человек так и не успел совершить необходимых реформ, а потом были Лжедмитрии, семибоярщина, смутное время, польская интервенция и новая династия Романовых.

АВТОМОБИЛЬНОМУ КОРОЛЮ, ВИВАТ!

Когда мы называем марку автомобиля, то лишь изредка перед нашими глазами всплывает реальный человек, ее создавший. Вспоминаются только сами красивые, лакированные экипажи, вот уже более 120 лет захватившие наши дороги. И мало кто вспоминает, что были на свете Генри Форд, Карл Бенц, братья Рено, инженеры Роллс и Ройс. И конечно же, Андре-Гюстав Ситроен. 5 февраля блестящему выпускнику Парижской Политехнической школы Андре Ситроену исполняется 135 лет. В отличие от своих коллег, автомобильных королей, он ничего не изобретал – ни конвейера, как Форд, ни автомобиля, как Бенц, ни знаменитого «жука», как Фердинанд Порше. Его можно охарактеризовать как человека, попавшего на свое место и в свое время. Наверное, Ситроена можно было бы сравнить с компьютерным гением конца XX века

Стивом Джобсом. Он тоже находил нужных людей, ухитрялся выделять из массы новых, еще незамеченных изобретений, самые полезные. Ситроен применял необычные инженерные решения и использовал технические изюминки, что позволяло быть на шаг впереди остальных. Он не боялся открывать филиалы в самых экзотических странах, а один из них существовал даже в Москве, при большевиках. Среди послевоенной разрухи там открылся маленький заводик «Цитроен», расположившийся на территории современного МВТУ им. Баумана. Будучи в прекрасных отношениях с Президентом Грузинской республики Ноем Жордания, он собирался открыть автомобильный завод и в Кутаиси – помешала Советская власть. Ситроен собрал в своей компании лучших инженеров, включая талантливых эмигрантов из России, и стал первым производителем переднеприводного автомобиля Citroen-7. Он умер в 57 лет признанным автомобильным королем.

ЮБИЛЕЙ ПРЕКРАСНОЙ КЕТО

20 февраля исполнилось бы 90 лет, наверное, одной из самых красивых женщин республики, актрисе театра и кино и народной артистке Грузии Медее Валерьевне Джапаридзе. О ее красоте и обаянии слагались легенды, а магнетизм ее глаз покорял мужские сердца на всю их оставшуюся жизнь. Она работала в театре у выдающегося режиссера Марджанишвили вместе с плеядой других знаменитых актеров и нисколько не терялась на их фоне. Всегда элегантная и подтянутая, до пожилого возраста сохранившая красоту, она много и охотно снималась у самых разных режиссеров. Природный вкус не позволил ей ни разу ошибиться. Во многих произведениях грузинских интеллектуалов, составивших славу отечественного кинематографа, она сыграла заметные роли. Но в памяти людей осталась красавицей Кето из поистине народного фильма «Кето и Котэ». Ходят слухи, что когда она однажды отправилась с просьбой в один из кремлевских кабинетов, она получила от высокого руководителя такой ответ: «У ангелов просьб не бывает – приказывайте!»

Роб АВАДЯЕВ

ВСПОМИНАЯ ВЫСОЦКОГО...

У каждого свой Владимир Высоцкий, свое представление о его творчестве, его жизни, обретениях и потерях... И все-таки не оставляет ощущение, что при всей ясности образа поэта, он ускользает от нас – близкий и понятный и одновременно далекий и непостижимый. Но вновь бесконечно притягательный, даже спустя три десятилетия после кончины... Впрочем, разве это срок для творца, признанного великим?

25 января Владимиру Высоцкому исполнилось бы 75 лет. Всего лишь 75. Юбилей собрал в Большом зале театра имени А.С. Грибоедова артистов и зрителей, объединив их любовью к тому, кого без преувеличения можно назвать властителем дум нескольких поколений. В концерте, организованном Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб» при поддержке благотворительного фонда «КАРТУ», приняли участие звезды грузинской сцены и эстрады: Вахтанг Кикабидзе, Ирма Сохадзе, Каха Бахтадзе, Нини Циклаури, Слава Натенадзе, Саломе Бакурадзе, Дато Отиашвили, Нино Дзюценидзе, Вахтанг Гордели-Палиашвили, Верико Турашвили, Бесик Каландадзе, Ирина Мегвинетухуцеси, Ото Немсадзе, Ирма Сохадзе, Тамрико Чохонелидзе, Нугзар Квашали, Эка Квалиашвили, Темо Саджая, ансамбль «Форте», группа «Сейшен», «Театральный квартет», детская студия «Бзикеби», детский дуэт Эка и Петр Малания. Выступили и зарубежные гости: Самир Раджабов, Эльхан Челяби (Азербайджан), Давид Хачатрян (Армения), Артур Федорович (Белоруссия), Михаил Грицкан (Украина). Специальным гостем вечера стала приехавшая из Германии грузинская певица, композитор, исполнительница грузинских и русских романсов Манана Менабде... Поставил вечер управляющий и художественный руководитель театра имени А.С. Грибоедова и Свободного театра Авто Варсимашвили. На концерте присутствовал ми-

нистр культуры и охраны памятников Грузии Гурам Одишария. Перед началом выступил директор театра имени А.С. Грибоедова, президент «Русского клуба» Николай Свентицкий, пригласивший собравшихся в символический «дом Владимира Высоцкого». По окончании вечера его участники размышляли, вспоминали, оценивали ...

НУГЗАР КВАШАЛИ:

- Высоцкий для меня – это в первую очередь музыкант с «расстроенной» гитарой. Такого строя действительно ни у кого не было! Когда я впервые в пятнадцать лет взял в руки гитару, он был запрещен. Это невероятно – ведь все его песни, стихи были абсолютно несовместимы с тогдашней идеологией. А все, что запрещено, всегда привлекает, особенно музыкантов. Когда мы слушали Владимира Высоцкого в каких-то записях – официальных не было, и, конечно, качество самодельных записей было ужасным, - то уже тогда понимали, что это уникальная личность. В свои сорок один год он успел очень много... Прошло уже больше тридцати лет, как Высоцкого нет с нами, но он по-прежнему дорог каждому, кто однажды соприкоснулся с его творчеством. Высоцкий – это в первую очередь прекрасная русская песня. Не знаю, как это сегодня называется – бардовская песня, шансон... Но Высоцкий – это Высоцкий! Таким и останется в нашем восприятии. Знаменитая песня, которую я исполняю на вечере, - «Где мои семнадцать лет?» - это всего лишь два-три куплета... Но как это сделано! Это целый спектакль... Так что легенда Высоцкого будет жить очень и очень долго. И я счастлив, что меня пригласили принять участие в этом вечере...

А Высоцкий-актер? К сожалению, я не видел его театральные работы – только отрывки. Но его кинороли – это великолепно!

ИРМА СОХАДЗЕ:

- Мне кажется, причина неумиряющей любви к Высоцкому лежит на поверхности: Владимир Семенович – гениальный поэт. Может быть, он не гениальный музыкант, не гениальный актер, да простят меня его поклонники. Но то, что он гениальный поэт, никто оспаривать не будет. А все гениальное вечно. Почему поэты отдаленных от нас эпох звучат сегодня как наши современники? Потому что они опережают время, вернее, говорят о вечном, а не о преходящем. О том, что волнует и будет волновать многие поколения. На мой взгляд, он всегда будет актуален, ведь то, что беспокоило и мучило поэта, беспокоит и мучит самых разных людей. Действительно, творчество Высоцкого стоит того, чтобы обновлять его, еще и еще раз воспроизводить на сцене. Потому что музыка, поэзия, существующие только в книгах и аудиозаписях, лежащие на пыльных полках, устаревают и умирают. Я считаю, что столь прекрасный проект, осуществляемый здесь, в замечательном зале театра Грибоедова, очень своевременен. И я рада, что такой яркой личности мы уделяем должное внимание.

Мне близки самые разные произведения Высоцкого. Очень нравятся его военные песни. А знаменитая «Я не люблю» - это же манифест! Все гениальное – просто! На вечере я исполнила песню «Беда». Это – шедевр. Найдется, наверное, не больше двух-трех примеров, когда мужчина – поэт, писатель – так точно выражает эмоции и чувства женщины. В грузинской поэзии это Паоло Яшвили, создавший маску Елены Дариани. Для меня Высоцкий в песне «Беда» открылся еще одной гранью своего таланта – он великолепно понимал психологию женщины. Любимой, покинутой, оставшейся со своей бедой навсегда. Но даже в этой печали женщина счастлива. В трехминутной песне – богатый спектр эмоций, целая жизнь! И не одной, а многих женщин... Потому и говорю: Высоцкий – вечен, потому что гениален. Я его обожаю... Я прослушала разные варианты исполнения песни «Беда». Ее пела и Марина Влади. Сам автор исполняет ее в совершенно ином ключе. Существует несколько вариантов исполне-

ния «Беды» Аллой Пугачевой. Я предложила свою версию, соединив стиль Высоцкого с манерой Пугачевой, и еще добавив кое-что свое.

ЭКА КВАЛИАШВИЛИ:

- В искусстве невозможно не быть родственными душами. Я не впервые принимаю участие в проектах «Русского клуба», очень люблю его и не меньше – Владимира Высоцкого. Поэтому мне бы и в голову не пришло ответить отказом на лестное предложение принять участие в вечере его памяти. Высоцкий – очень глубокий и многогранный человек, и выделить что-то одно в его творчестве невозможно. Я исполнила песню «Бокал». Если вникнуть в эти стихи, то они поражают. В них такая боль! Это близко каждому человеку...

АРТУР ФЕДОРОВИЧ (Белоруссия):

- Чем тебе дорог человек, которого ты искал всю жизнь? Выразить это не просто. Высоцкого я открыл для себя, когда мне было лет шестнадцать. Сначала привлекали завораживающий тембр его голоса, доверительность интонации... Бывает момент, когда ты на уровне подсознания что-то принимаешь, интуитивно поняв, что это твое... А потом, когда повзрослел, я начал вслушиваться в тексты, осмысливать манеру исполнения, осознавать, что это новый, совершенно особенный стиль Владимира Семеновича. Ведь если не вкладывать в песню энергию, нерв, то, конечно, она не прозвучит...

Вспоминаю детство, утро, пионерский лагерь, все идет на зарядку. Из динамиков звучит песня Высоцкого: «Вдох глубокий! Руки шире! Не спешите – три-четыре...» И что происходит? Все идет на зарядку, а мои ноги держат меня у динамиков. Я стою, самозабвенно слушаю... Почему – не знаю. Когда в тринадцать лет я взял в руки гитару, потом услышал интонацию шедевра Владимира Семеновича «Только он не вернулся из боя»... И это начало цеплять уже за струны души, проникать в глубины сознания. Потому что душа каждого человека чиста и нежна. Только часто мы что-то на себя навешиваем, чтобы спрятаться от этой чистоты под масками. А когда

▼ Участники юбилейного концерта

послушаешь Владимира Семеновича, то понимаешь: вот это настоящее! И начинаешь открывать для себя что-то новое. Есть у Высоцкого такие строки: «Мы беду-напасть подожжем огнем, Распрявим хребты втрое сложенным, Меду хмельного до краев нальем, Всем скучающим и скукоженным!» Только позднее понял, что распрямить хребты «втрое сложенным» означает: «распрявим людей, стоящих на коленях, поднимем их». Вот когда начинаешь копаться, анализировать, то понимаешь, насколько Высоцкий осознанно и вдумчиво писал о многих вещах. И порой противоречил сам себе... В одной из песен Высоцкий поет: «Вот только жаль распятого Христа!» А в первых вариантах было по-другому: «И мне не жаль распятого Христа!» и «Я не люблю распятого Христа!» Вот эти метания Высоцкого от признания Бога до его отрицания есть проявление философского склада ума. «Нет, ребята, все не так, все не так, ребята...» - пел Высоцкий. Стараешься, чтобы было так, но происходит все иначе... И от этого мучительно больно. Для меня Высоцкий – это огромная, значимая фигура. Живу с этим чувством и радуюсь, что Господь даровал мне способность понимать этого человека и его творчество. Да еще и песни его исполнять...

МИХАИЛ ГРИЦКАН (Украина):

- Владимир Высоцкий – мой заочный учитель с самого детства. Он вдохновил меня на творчество. Помню, как с родителями отдыхал на море в Одессе – мне было тогда лет шесть-семь, не больше. И вдруг увидели обыкновенного, коренастого, невысокого роста мужчину в джинсах клеш – Высоцкого! Я попал на его концерт. Меня, совсем еще ребенка, Высоцкий буквально поразил своей энергетикой. После этого я начал слушать его песни, исполнять их на гитаре... А когда в десятом классе у меня начались мутации голоса, все стали отмечать, что мой баритон стал чем-то похож на неповторимый голос Высоцкого.

Считаю, что творчество Высоцкого будет актуально всегда, во все времена. Потому что его песни – это нечто большее, чем просто песни. Это великий поэт! Я знаком с сыном, Никитой Высоцким, внуком Семеном... Никита проходил срочную службу в моем городе Черновцы. В день рождения и день памяти Высоцкого я обязательно отправляюсь в Москву и выступаю в Доме его имени. Еду на Ваганьковское кладбище. Есть ли, был ли еще в мире человек, которого так же преданно, самозабвенно любят? На кладбище возникает ощущение, будто происходит нечто экстраординарное – толпы людей, море цве-

тов! Они читают стихи, поют песни Высоцкого...

В Москве у меня появились друзья, с которыми мы совершает этот ритуал. А потом едем в Таганский тупик, где находится Государственный культурный центр-музей имени Высоцкого. Словом, для меня это имя значит очень много.

Я исполнил в Тбилиси песню «Кони привередливые», - одну из наиболее любимых. Всегда на своих сольных концертах пою что-нибудь из Высоцкого. Например, пророческую песню «Корабли». «Не пройдет и полгода, как я появлюсь!» - обещал поэт. И Высоцкий действительно уже больше тридцати лет каждые полгода возвращается, «весь в друзьях и мечтах, чтобы снова уйти на полгода». Каждые 25 января и 25 июля мы слышим и видим его по радио и ТВ, слушаем свои архивные записи, смотрим фильмы и просто вспоминаем с друзьями и знакомыми.

МАНАНА МЕНАБДЕ (Германия):

- Я могу сказать абсолютно четко: интерпретировать песни Высоцкого нельзя! Мне это до сих пор не удалось сделать как певице. Как только я начинаю что-то в этом роде пробовать, личность Высоцкого выступает столь явственно, выпукло, что я сама, музыкант, ухожу на второй план. Высоцкому очень часто подражают голосом. Я считаю это очень большой глупостью. Высоцкий неподражаем, и повторить его невозможно. Конечно, есть личности, которых можно интерпретировать. Но есть и другие, которых интерпретировать нельзя. К этой особенной касте принадлежит Высоцкий. С ним ничего невозможно сделать, настолько он ярок. И поэтому на вечеру я прочитала свое любимое стихотворение, посвященное поэту, - оно родилось через семь лет после кончины Владимира и называется «Прощальная песнь». Оно написано в стиле Высоцкого. Хочу, чтобы люди окунулись в его настоящую поэзию. Считаю, что он по-настоящему большой поэт...

ВАХТАНГ КИКАБИДЗЕ:

- Я его очень любил. К сожалению, молодежь сегодня не очень интересуется творчеством Высоцкого. Но мои внуки, правнуки – все про него знают. Когда Высоцкий скончался, мы вместе с актером Анатолием Ромашиным пошли на кладбище. Было раннее утро, еще темно. Думали, что народа в этот час не будет. Но ошиблись: когда мы пришли на могилу, то увидели в темноте огромную толпу людей. Так его любили...

Анна БЕЛОВА

МАНАНА МЕНАБДЕ

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Посвящается Владимиру Высоцкому

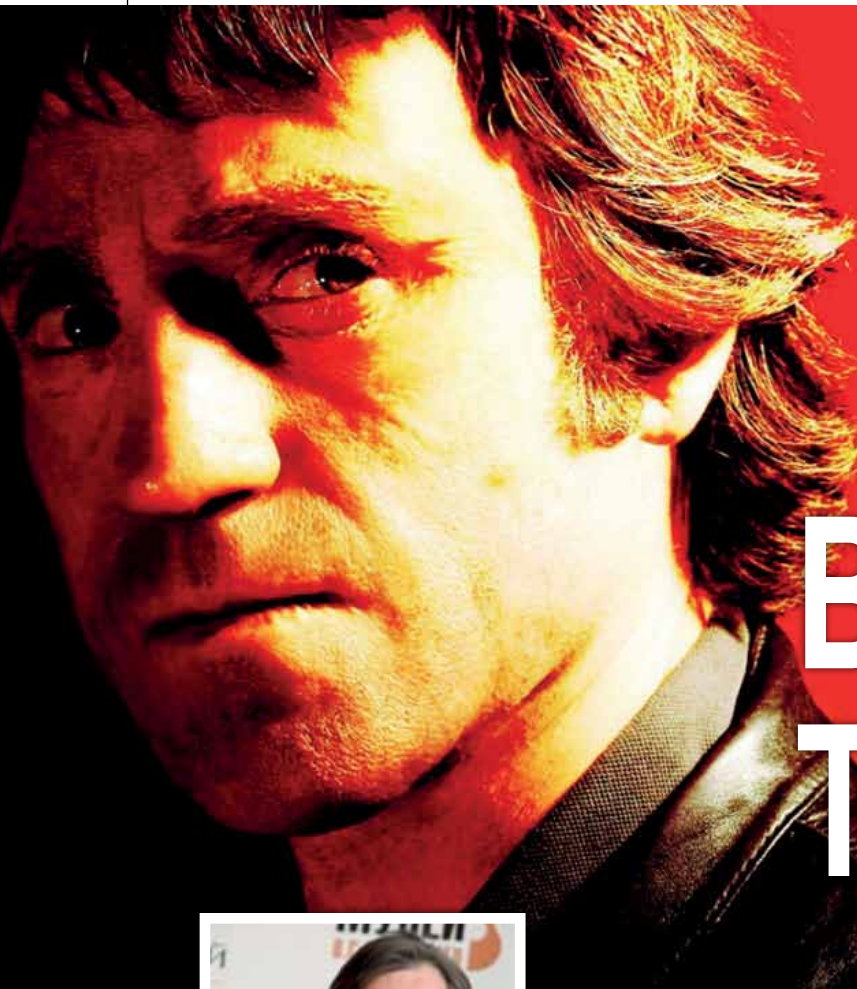
В день отъезда,
моего отъезда день,
я взгляну на дождь
и взгрустну.
Вспомню дом,
вспомню сад,
вспомню день...
Вспомню плач,
вспомню смерть
и усну.

А в глазах отражаешься ты,
вся в тумане, как хрупкая ель.
Иногда ты небесная высь,
быстроногая иногда ты газель...
А снега, затаившись в тиши,
опадут, припадут, пропадут.
Берега, города и судьба
далеко, далеко упадут.
Ты, наверно, поймешь все не так –
то я жил, то не жил,
пел да пил...
Уходя – я всегда приезжал.
И приехав – всегда уходил.

Исчезают вдали голоса...
Исчезает в снегу синий свет...
И беда, как судьбы полоса,
на плечах отпечатает след.
Все пройдет, и обида уйдет,
может, крик мой услышишь в ночи.
Мне уже не добраться туда,
до вершин синих гор,
до вершин...

Да что мне, высота, высота,
суета, суета перемен.
Круг сомкнулся уже навсегда,
и в кругу меловом я теперь.

07 января 1987
г.Москва

ВРЕМЯ ТИТАНОВ

*В Тбилиси в рамках третьего Фестиваля кино России и других стран Содружества состоялся показ картины Петра Буслова «Высоцкий. Спасибо, что живой». Фильм представлял автор сценария, продюсер – актер театра и кино, режиссер, кинодраматург **Никита Высоцкий**. Он – гость номера.*

- Вокруг картины было много споров, ее часто ругали, но гораздо больше, по-моему, хвалили. На фестивале кино в Тбилиси показывают в основном авторское кино. И я считаю, что «Высоцкий. Спасибо, что живой» тоже авторская картина, хоть и относится к так называемому «мейнстриму» и сделана немного по другим законам, чем авторское кино. В России фильм часто обвиняли в американщине. Хочу отметить, что он сделан продюсерской компанией, снявшей такие знаменитые картины, как «Турецкий гамбит», «Ночной дозор», «Адмирал», «Ирония судьбы-2». Это самые успешные в России коммерческие кинопроекты. В этой продюсерской компании работают серьезные люди, профессионалы. Думаю, что «Высоцкий. Спасибо, что живой» - фильм, который нужно просто смотреть. Картина проста, вернее, простодушна. Ведь и Владимир Высоцкий – человек очень ясный, цельный. И картина, по-моему, такая же. По результатам опросов после просмотра нашего фильма 10 процентов зрителей давали ему отрицательную оценку, из них два процента – очень отрицательную, но примерно 90 процентов считали его хорошим. Из них 70 процентов – очень хорошим. Для

меня создание картины «Высоцкий. Спасибо, что живой» – очень волнующее дело. Над ней трудилось много людей, и я рад, что нашу работу увидели в Тбилиси. Замечательно, что я снова попал в ваш прекрасный город, я ведь здесь не в первый раз.

- И каковы впечатления спустя годы?

- Когда была единая страна, все наши города имели свое лицо, а сейчас они стали европейскими: освещение, фасады... Такой евростандарт. Это происходит в Европе повсюду, и все города становятся друг на друга похожими. Может быть, хорошо, когда удобно, когда красивые витрины, когда есть хорошая машина. Но что-то уходит вместе с этим. А Тбилиси, по-моему, каким был, таким и остался.

- А Москва сильно изменилась, стала просто неузнаваемой.

- Да не то слово! Москва все время меняется. Как хамелеон. В этом ее стиль, суть. Это город, который все время сам себя переделывает. А Тбилиси, как мне кажется, - город, который таким будет и через сто лет. Как бы ни старались его изменять.

- Вас не раздражает слишком большое внимание

журналистов к Высоцкому?

- Это же не ко мне внимание, а к моему отцу. А если я приехал представлять картину «Высоцкий. Спасибо, что живой», то было бы странно, если бы были какие-то другие вопросы.

- В таком случае, расскажите, как родился сценарий картины?

- Эта история давно бродила во мне. Я не был ее свидетелем. Мне об этой злополучной поездке в Узбекистан на девять дней рассказал товарищ отца Всеволод Абдулов. С тех пор я этой историей жил. Но писать не решался. Пересказывал разным сценаристам. Один из них, русский американец, отреагировал: «Это твоя история. Сам и пиши». А потом Константин Эрнст сказал: «Хочу сделать фильм о твоём отце». Снова всплыла в памяти эта история. Эрнст удивился неизвестному факту. И тут же предложил написать сценарий.

- Кому-то не нравится, что в фильме попытались создать некую копию Владимира Высоцкого.

- Картина с успехом прошла в Европе. Там люди к качеству картинки относятся очень серьезно. Их в фильме ничего не смутило. Иногда слышим откровенную брань, упреки в том, что это недостаток, что не доработали, что мы пошли по откровенно легкому пути. Подобное недовольство возникает у людей еще до того, как они заходят в зал. С этим надо, безусловно, считаться. Но, поверьте, если бы мы остановились на варианте, когда играл бы какой-то актер со своим лицом, то те же люди, которые сегодня обвиняют нас в погоне за внешним сходством, стали бы говорить: «Как можно, чтобы Высоцкого играл какой-то артист?!» Это просто некое предубеждение. Фильм о Высоцком хотели делать давно, рассматривались разные варианты, разные подходы, но никто так и не дошел до съемок, потому что это на самом деле очень непросто. Отца знают все – его внешность, голос, манеры. Его до сих пор видят на телеэкранах, смотрят «Место встречи изменить нельзя», «Вертикаль», «Маленькие трагедии»... У картин с участием Высоцкого и сегодня высокие рейтинги, сохранилось огромное количество фотографий, хроника, видеозаписи. Его внешний облик – неотъемлемая часть глобального, очень серьезного для России понятия – «Высоцкий». Мы не делали клона, не брали двойника – мы создавали образ! Нас спрашивали, почему в картине Высоцкий мало смеется. Во-первых, он смеется, во-вторых, мы рассказали грустную историю. В фильме отражен очень тяжелый период в жизни отца. Мне кажется, все сделано качественно, серьезно и правильно. Мы же делали фильм не для себя, а для людей! И если у кого-то другое мнение, то оно имеет право на существование. В России все знают, кто должен тренировать сборную по футболу, как надо играть. Но на самом деле только единицы способны что-то изменить. А при этом все советуют. Поэтому нам нужно было ориентироваться на себя, свое понимание, свои задачи, которые мы сами себе ставили, которые перед нами ставил образ отца, его жизнь, отношение к нему людей. Мы решили это таким образом. Что ж, двери открыты – другие могут предложить что-то свое.

- Значит, вы на все сто процентов принимаете картину?

- Вы понимаете, я сам вижу какие-то частности, проблемы. Я профессионал и умею анализировать. Так вот, у каждого фильма, каждого произведения искусства, а я считаю фильм «Высоцкий. Спасибо, что живой» произведением искусства, есть свои законы. У этого фильма такие законы, и я их принимаю. Мо-

ло было лучше? Наверное! Какая-то сцена могла быть сыграна, снята, смонтирована по-другому. Но это все в прошлом. То, что мы имеем сегодня, это именно тот фильм об отце, который я хотел видеть. Я счастлив, что приложил к этому руку – написал сценарий. Я пять лет работал над этой картиной – от первой строчки до премьеры. Мне непросто судить – я внутри материала. Но я рад, что такой фильм о моем отце есть. А какие другие появятся, посмотрим.

- Как вы относитесь к идеализации, мифологизации Высоцкого? Вы-то знали его живого.

- Меня это не раздражает. Есть люди, образ которых живет самостоятельной жизнью. Так было и при жизни отца. Это не то же самое, что сплетни о звездах в желтой прессе. Тут – другое. Люди почему-то продолжают так реагировать на творчество Высоцкого, в них так продолжает жить его образ. Они что-то додумывают, даже пишут воспоминания о том, чего не было. Эти проявления интереса к личности Высоцкого нельзя назвать ни хорошими, ни плохими – это факт! То, что о нем вновь говорят, означает одно: Высоцкий по-прежнему волнует людей. Значит, он это заслужил, что-то действительно было и есть! Что касается абсолютной правды об отце, то ее и при жизни Высоцкого непросто было установить. Он такой, каким мы его представляем. А представляем мы Высоцкого прежде всего по его песням, голосу. Но не по воспоминаниям. Очень небольшая часть людей, знакомых с Высоцким, хорошо знала его. Он не со многими общался близко. Сейчас живет лишь несколько десятков людей, которые с Владимиром Семеновичем лично общались, а его популярность исчисляется десятками миллионов

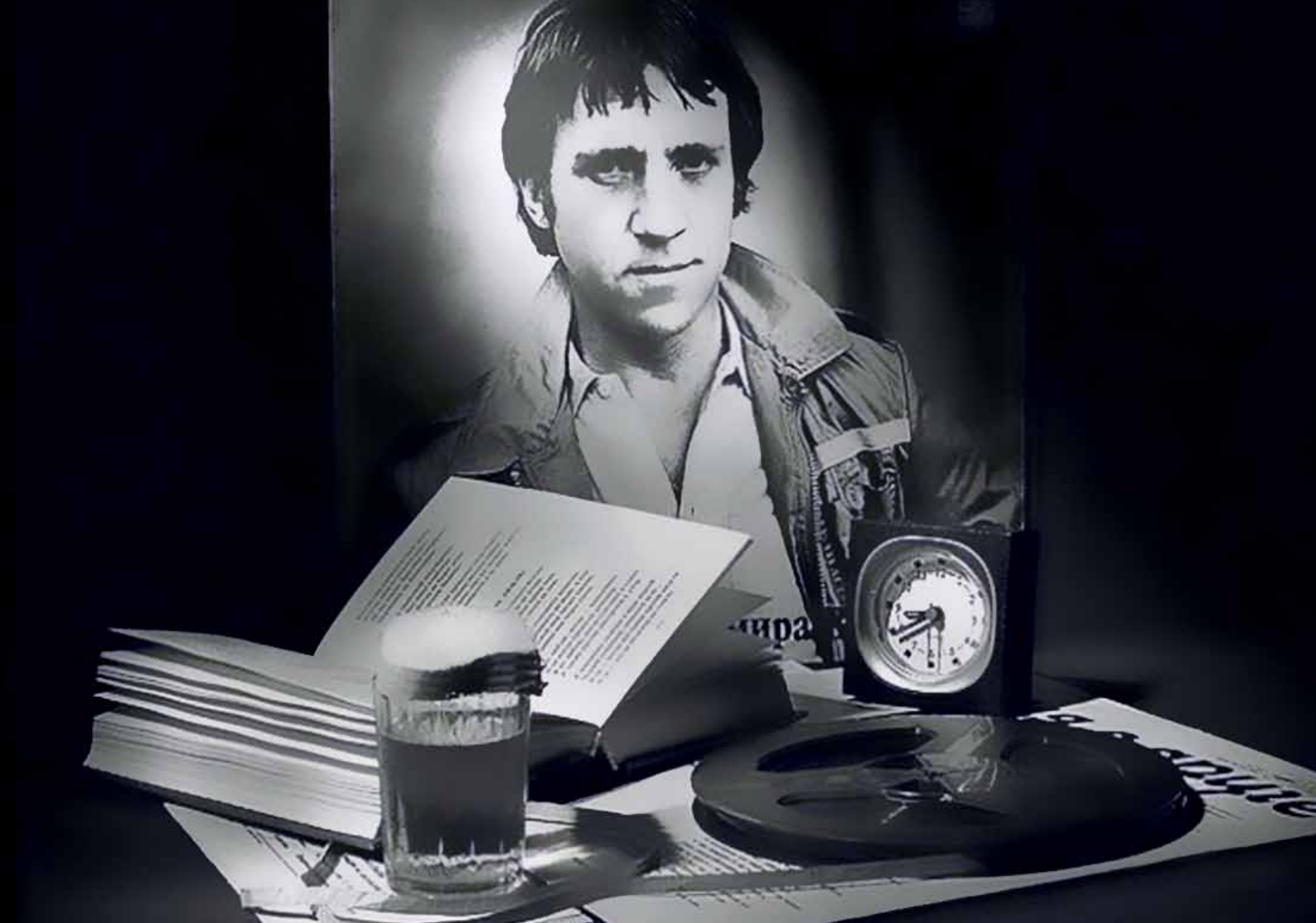

▲ В «Доме Высоцкого на Таганке»

людей, воспринимающих его как легенду. Да, это миф! А воспоминания, мемуары я не люблю. Мемуарная литература меньше всего оживляет картину. Гораздо больше – какой-то документ, донесение, изданный приказ, чем воспоминания. Авторы мемуаров вспоминают не событие, не человека, а самих себя. Мемуары всегда характеризуют того человека, который их пишет. Таково мое мнение. Так что на память об отце влияет прежде всего то, что он сделал: роли, песни, стихи.

- Между вами и вашим отцом есть внешнее сходство. Ощущаете ли сегодня внутреннюю связь с ним?

- Я о нем думаю, я так живу. Он не отпускает всех близких ему людей. Нет дня, чтобы люди, которые его

знали, не вспомнили о нем. А я еще и директор музея Высоцкого. Он, конечно, присутствует в моей жизни. А то, что он где-то там есть... не знаю! Иногда мне хочется думать, что Владимир Высоцкий, наверное, мне помогает. А во сне я его вижу очень редко.

- *Мощный образ отца не мешает вашему собственному творческому развитию?*

- Он, конечно, накладывает отпечаток. Если бы его не было, то, наверное, у меня с теми же данными, которые у меня есть, наверное, была бы другая судьба – не хуже и не лучше. Просто другая. Образ отца не мешает. Я с этим родился, с этим живу, и мне не с чем сравнивать. Сколько себя помню, отец был уже очень популярный артист, из каждого окна лились его песни. Нет, это не мешало моему развитию. Я всегда знал, что это – его, а есть что-то только мое. Это может быть тише и не так заметно, но – мое. Я участвовал и участвую в различных довольно успешных проектах, и у меня достаточно много в жизни получается. Люди, наверное, думают: ну, наверное, у него получается, потому что ему легче – ведь он сын Высоцкого, ему все дороги открыты!.. Однако есть моя жизнь, мои близкие, которые понимают, что моя личность, мое творчество не исчерпывается тем, что я сын Высоцкого. К примеру, сейчас я набрал курс театральной режиссуры. Когда-то говорили, что меня раздавит отцовская популярность. Я был молодой актер. И когда у меня брали интервью после театральной или кинопремьеры, я ставил условие: «Мы будем говорить только об этом, а если хотите говорить об отце, приходите в другой раз!» Но сейчас я понимаю, что это глупо! Зачем пытаться оторвать от себя то, что и так всегда при тебе останется?

- *А разногласия у вас бывали?*

- Мне было 16 лет, когда он умер... Какие разногласия? Наша совместная жизнь довольно быстро закончилась. Он разошелся с моей мамой после семи лет брака. Родители развелись официально чуть позже, а расстались в 1968 году. После этого Высоцкий был приходящий папа – мы жили отдельно. Кстати, я разошелся со своей первой женой, когда моему сыну было меньше шести лет – столько было моему брату, когда папа разошелся с мамой. Наверное, если бы жили одной семьей, была бы другая жизнь. Разногласия? Они были неинтересные. Я не очень люблю и не очень умею говорить про разногласия. Отец был живой человек. Где-то он ошибался, где-то были не правы мы. Сейчас мне больше лет, чем Высоцкому, когда он умер. И тогда я был ребенком, мог что-то не понимать, в чем-то ошибаться.

- *О чем ваш сценарий, над которым вы сейчас работаете?*

- Это исторический сюжет о том, что было 200 лет назад. Посмотрим, что получится. Будет кино или нет, неизвестно. Из суеверия не хочу об этом говорить – боюсь сглазить. Одно скажу: это костюмированная история. Нужно в нее войти, а не только добиваться внешнего подобия. Чтобы было ощущение правды. Поэтому я сейчас много читаю. Но этому посвящаю себя не полностью – занимаюсь своим курсом. Я по-прежнему директор музея Высоцкого. У меня еще и другие дела есть – приходится заниматься разными вещами.

- *А как ваша актерская судьба складывается?*

- До последнего времени я играл на сцене «Современника»: несколько сезонов выступал в спектакле

«Шарманка». Сейчас его уже нет в репертуаре. И хорошо – иначе я мог бы просто разорваться. Чтобы работать в театре – нужно работать в театре! Нельзя стоять в театре одной ногой. Но можно играть в антрепризах. В моей жизни такие факты имели место, и я не стесняюсь этого. Но антреприза – это не театр. Театр – это служение.

- *И с театром вы, получается, распрощались?*

- Почему распрощался? Просто пока не играю. Вот сейчас позвали, но боюсь, что не получится. Меня не хватает на все сразу. Но ни от чего не стоит зарекаться – я давно уже это понял. Сняться где-то ради заработка, куда-то съездить – это нужно и можно. Но это не забирает человека целиком. В отличие от театра. И если артист не может полностью отдаваться ему, выбрасывает его. Есть много востребованных киноактеров, которые говорят: «Вот я бы в театре!..» Но они выходят на сцену, и вскоре театр их выбрасывает. Хотя звезды делают кассу. Но это разные профессии: кинозвезда и актер театра, директор музея и актер театра.

- *Быть директором музея Высоцкого – это ваш долг, миссия?*

- Нет, это моя работа. Никакого долга!

Долг был бы, если бы я все бросил и занялся театром. У меня была в свое время своя театральная группа, которой я отдавал много сил. Но так случилось, что надо было заняться музеем. Я занялся, думал, что все будет быстро-быстро... Но быстро только кошки рождаются, а все остальное нужно делать долго и собранно. Я поработаю пять лет со студентами. И если я почувствую, что не совмещается, то нужно будет опять выбирать.

- *К этому относитесь спокойно, философски?*

- Сейчас жизнь такая нестабильная. Мужчина должен принимать вызов, который посылает ему жизнь. Или становиться женщиной, ничего не принимать, от всего отмахиваться и ждать, что все само собой перемелется. Я владею разными специальностями. Не там – так сям! Это нехорошо, но такое время настало. К примеру, во время моей юности можно было быть только директором музея, а сейчас этого нельзя. Если только директор, значит, у тебя жена должна быть бизнесмен или банкир.

- *Как, по вашему мнению, в наше время чувствовал бы себя Высоцкий?*

- Я смотрю на его товарищей детства, студенчества, актеров Таганки. Кто-то вписывается в сегодняшнюю реальность, другие не могут, не выдерживают. Но я согласен со Станиславом Говорухиным, если бы Высоцкий жил сегодня, он бы остался самим собой. Такие люди, как он, не меняются. Все равно он был бы один, а не в толпе, жил бы очень не просто. В нем не было буржуа. Даже в хорошем смысле этого слова. Не потому что буржуа – это плохо, а потому, что это было невозможно. В Советском Союзе тоже были буржуа, но он к ним не относился. Высоцкий вовремя родился и, к сожалению или к счастью, вовремя умер. Так что все, что нужно было, им сделано. Я с трудом представляю отца в сегодняшней жизни. И, в общем, даже не стараюсь. Тем не менее, Высоцкий в этой жизни существует. И он достаточно современен. В России он присутствует в огромных количествах в книжных, музыкальных магазинах, на телевидении. Сейчас мы

делаем концерт к 75-летию Высоцкого. Пришлось самый большой зал арендовать, потому что невозможно отметить юбилей отца в Театре на Таганке. Владимир Высоцкий существует сегодня вот так! А как бы у него сложилась жизнь в нынешней реальности, никто не знает.

- *Какие роли отца в кино и театре вы можете назвать любимыми?*

- С точки зрения профессий с конца 60-х годов у Высоцкого провалов не было. Он был очень профессиональным и в театре, и в кино. В кино люблю две его последние роли – Жеглов и Дон Гуан. Дон Гуан ближе, конечно. Он сыграл интересно в фильме «Интервенция». Отцу не очень везло – он не много снимался в отличие от других актеров. Я люблю его фильм «Плохой хороший человек». А в театре – Гамлет, Лопухин, Свидригайлов. Он прекрасно играл Янг Суна в спектакле «Добрый человек из Сезуана». Я эти работы хорошо помню. Тогда было время великих актеров, и Владимир Высоцкий, наверное, не был первым актером своего времени, как, к примеру, Олег Даль или Юрий Богатырев. Кстати, Даль к Высоцкому очень хорошо относился. Это великое поколение на самом деле! Однажды я разговаривал с актером моего поколения, и он сказал хорошую фразу: «Это было время титанов!» Сейчас представить себе, что в одном театре играли Евгений Евстигнеев, Иннокентий Смоктуновский, Олег Борисов, Олег Ефремов... А в другом – Олег Даль, Валентин Гафт. В Питере – Евгений Лебедев, Ефим Копелян, Павел Луспекаев. Это же невероятно! Это огромное, могучее поколение, которое ничем не уступает поколению Михаила Яншина, Алексея Грибова, Виктора Станицына... Сейчас люди не то что измелчали – просто гиганты куда-то попрятались. Может быть, они ушли в бизнес? Да, это было великое актерское поколение, а отец – одним из ведущих актеров. Очень трудно в его случае разделять поэзию и актерскую профессию, но Владимир Высоцкий был очень большой актер.

Инна БЕЗИРГАНОВА

▲ Фото Михаила Квирикашвили

НАШЕСТВИЕ ИНОПЛАНЕТЯН С ТАГАНКИ

Перед вами, дорогие читатели «Русского клуба», фотография почти полувековой давности, ранее нигде не опубликованная. Ее автор – известный фотомастер, ветеран грузинской репортажной съемки, фотокорреспондент газеты «Заря Востока», добрый и скромный человек Михаил Квирикашвили. Он сделал этот снимок в кабинете редактора газеты в июле 1966 года, когда в гости к «заринцам» пришли все главные персоны уже тогда знаменитого московского Театра на Таганке, прибывшего в Тбилиси на свои первые крупные гастроли. Отпечаток снимка Миша подарил мне. С тех пор я бережно храню дорогую для меня фотографию в своем архиве. Не отдавал никому за все это время даже ее копии. Недавно Валерий Золотухин просил, до него – музей, петербургский фан-клуб, но я почему-то упрямялся и всем отказывал. Мало кто и видел эту фотографию, не в моих привычках показывать гостям свои альбомы с напечатанными свидетельствами быстротечно-

сти жизни. Но вот пришло время, и отказать друзьям и коллегам из «Русского клуба» не смог – здесь, на умных и красивых страницах журнала памятного снимку самое место. Мне, что и говорить, приятней всего было бы подарить эту фотографию Владимиру Семеновичу к его 75-летию, которое отметили в прошлом месяце, увы, отдав дань лишь его памяти. Однако там, «где голос вещей сердцу говорит», нам отзовутся прозорливые слова Дмитрия Пригова: «Граждане, я лелею мечту о скором возвращении всех ушедших». Ведь вы верите, что они вернуться?

...Тот летний день, политый палящим зноем, запомнился внезапно появлению в коридоре редакции в одном лице печальной доброй Шен Те и ею придуманного двойника в черных очках и котелке – бессердечного Шуи Та. Ведь только вчера вечером в Тбилисском театре музкомедии на спектакле «Добрый человек из Сезуана» я рвал кисти рук в аплодисментах благо-

На снимке: в первом ряду сидят слева направо – актеры Театра на Таганке Владимир Высоцкий и Валерий Золотухин, журналисты «Зари Востока»: заведующий отделом литературы и искусства Владимир Панов, литсотрудник отдела республиканской информации Шалва Свани, ответственный секретарь редакции Юлий Поляков. Во втором ряду стоят слева направо – литсотрудники отдела литературы и искусства Валерий Партугимов и Нана Кипиани, художественный руководитель Театра на Таганке режиссер Юрий Любимов, старший корректор Марина Тер-Погосова, первый заместитель редактора «Зари Востока» Галина Мухранели, литсотрудник отдела литературы и искусства Лия Цицосани, актриса Зинаида Славина, литсотрудник отдела промышленности Георгий Безиргани, заместитель редактора газеты Зураб Беридзе, актер Вениамин Смехов.

дарности блестящей актрисе Зинаиде Славиной за ее выплеснутую на сцену, измученную любовью нежную душу. И вот она здесь, идет мне навстречу, словно на свидание. Тогда я так размышлял об этом, что едва не столкнулся со свалившимся, как показалось, с небес безработным летчиком Янг Суном, вчера развалившим свою свадьбу и мечущимся по сцене прямыми углами, а сегодня представшим предо мной сдержанно улыбающимся Владимиром Высоцким. За ними появился в белой рубашке подтянутый джентльмен, отец Театра на Таганке Юрий Петрович Любимов, с пока еще спрятанной в кармане брюк легендарной судьбой, вслед ему – Вениамин Смехов, Валерий Золотухин... Я один в коридоре изображал собой групповую, так называемую «немую сцену» финала «Ревизора». Вряд ли я стоял с раскрытым ртом в позе окаменевшего от страха чиновника, но, как помнится, шок от неожиданного нашествия инопланетян с Таганки я испытал. Однако шок был прекрасной закуской к ледяному шампанскому, которое уже пенилось в бокалах на длинном овальном редакторском столе.

Одно чудо, нанизанное на другое, создает иллюзию новой реальности, и вот уже отодвинуты прочь кислые редакционные будни, мы погружены в светлую, праздничную и, как подушка - пухом, наполненную смехом атмосферу схождения с небес богов в обличье простых людей, что один к одному повторяло потешную картинку из вчерашнего спектакля «Добрый человек...» Кабинет редактора, в иные дни представлявшийся нам парижской Гревской площадью, где впервые, а потом и ежедневно казнили провинившихся гильотиной, в несколько минут был солнечно озарен присутствием вольных духом, веселых и, как тогда казалось, беззаботных актеров Таганки. Эхо иной, свободной и независимой человеческой жизни ворвалось в закулисы главной партийной газеты. В большой мрачной комнате, где каждый день, как заклинание, звучали цитаты из безумных по сути речей Брежнева и ему подобных, зазвенела, зашаманила гитара и прохрипел, продрался к нашим сердцам незалуженный припоем голос Володи Высоцкого: «А на нейтральной полосе цветы!»

Мы – необычайной красоты!!!» Мы слушали, как замороженные, не скрывая своего восторга, а он пел «стоя на краю», иступленно, его лицо несло навстречу нам и пронеслось мимо, спеша на те недостижимые для нас высоты, где он располагался как дома, где нет ничего, кроме жертв и вечной готовности к ним. Заметил я тогда, что остальные актеры не сидели просто так, расслабившись, а подтянулись к поющему Володе Высоцкому, пересаживаясь с одного стула на другой, словно выстраивая им одним понятную мизансцену. Кто-то стал едва слышно постукивать по столу, и мне вспомнилась сцена из «Доброго человека...», когда одним только сидением на стульях в ряд и мерным похлопыванием ладоней была создана абсолютно достоверная, хотя и иллюзорная картина работающей фабрики. Эти вахтанговские волшебства будут подхвачены и развиты Юрием Любимовым в дальнейшие годы расцвета Таганки, но в тот день мы, журналисты, не искушенные в театральных условиях, воспринимали незаметные передвижения актеров в комнате и плотное обрамление их силуэтами изломанной фигуры дерзкого волчка-одиночки с печатью гения, как шквалистый ветер, ворвавшийся в нас, как вихрь преобразования разума и души. Не могу вам сказать, как долго после этой встречи каждый из нас сохранял в себе эти ощущения, но знаю точно, что во мне тогда зазвенел звоночек будущих жизненных перемен.

Всему есть начало и конец. Начало встречи вполне отвечало затейливым законам лицедейства: гости с Таганки немного играли в скоморохов, шутили и чуток дурачились, при этом очевидно сохраняя официозную напряженность и дистанцию отчужденности. На расстоянии прошедших лет мне лучше видится, какими тогда были мы и какими другими были они. Тут ничего не изменишь, они лучше нас чувствовали атмосферу застоя в отдельно взятом маленьком уголке большой страны, в этом же застое увядающей, как брошенные на могилу розы. Наверно, мы не были столь наивными, чтобы не понимать сути происходившего, но искали и находили для себя компромиссы и оправдания, тогда как они напрочь отвергали и то, и другое. Однако и мы, и они были молоды и незлобивы, потому, возможно, эта короткая встреча странным образом сблизила нас на час-другой, позволила обаянию молодости и проявленной душевной открытости одержать верх над скованностью и обоюдной настороженностью. Конец встречи оказался совершенно иным: наши волнение и благодарность были столь обнаженными, что не могли не вызвать ответного чувства этих молодых талантливых кудесников сцены, и они подошли к нам ближе, заулыбались, как давние друзья, охотно ответили на все наши любопытствующие вопросы, сами о чем-то поспрашивали. Как-то само собой получилось, что появился, вернувшись с очередной съемки, Миша Квирикашвили со своей камерой и почти все, кто были в тот момент в комнате, заверещали, как дети, настаивая на групповом портрете. Так родился на свет этот снимок, который запечатлел не только звезд Театра на Таганке вместе с журналистами газеты «Заря Востока», но и нашу общую молодость, которая ясно проглядывает в открытых лицах, в задорности и беспечной улыбчивости персонажей съемки. Некоторых из них сегодня уже нет с нами, с печалью подтверждаем их уход в иной, лучший мир, но грусть никогда не побьет камнями забвения память о радости и воодушевленности того дня.

Валерий ПАРТУГИМОВ
г. Москва

▲ Василий Гроссман в Сталинграде

ПЛАМЯ И СЛАВА СТАЛИНГРАДА

70 лет назад завершилась знаменитая на весь мир Сталинградская битва, равной которой история человечества не знает. Битва под Сталинградом – самое известное сражение мировой истории, сравнимое по масштабам и потерям с крупной войной. Как образно заметил Константин Симонов «звук Сталинграда, тот хруст непоправимо надломившейся немецкой машины услышал весь мир, который с затаенным вниманием следил за исходом величайшего сражения на Волге, моля Бога о победе русского солдата!»

200 дней и ночей продолжалась героическая сталинградская эпопея, которая состояла из двух операций: оборонительной – с 17 июля по 18 ноября 1942 года и наступательной – с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года. С обеих сторон в этом грандиозном сражении участвовали свыше двух миллионов человек с использованием колоссального количества вооружения и боевой техники. Враг тогда потерял в Сталинградской битве каждого четвертого воина из числа сражавшихся на советско-германском фронте...

23 июня 1941 года на имя военного комиссара Орджоникидзевского района г. Тбилиси поступило заявление от группы студентов Тбилисского государственного университета – отличников учебы, которое заканчивалось словами: «...просим принять во внимание наше огромное желание и патриотические чувства по защите Родины и призвать в Красную Армию как добровольцев». Это заявление вместе с Мелкиседегом Церетели, которого друзья и близкие любовно звали Мелко, подписали пятеро его однокурсников с экономического факультета Хасан Махарадзе, Шота Меладзе, Серго Абуладзе, Акакий Кварцхава и Серго Шамугия.

Спустя несколько дней тбилисские студенты были призваны в армию, как тысячи их соотечественников. В

то время на фронте уже сражались в кадровых войсках два брата Мелко Церетели – Шота и Симон. Лишь в конце войны – родные скрывали от Мелко – он узнал страшную весть о героической гибели братьев. Шота погиб, защищая Брестскую крепость в начале войны, Симон погиб в Прибалтике.

Мелкиседега Церетели направили в Бакинское артиллерийское училище, после окончания которого ему было присвоено звание лейтенанта. Молодой офицер был направлен в район Сталинграда за пять дней до начала его обороны, когда решением Ставки был создан Сталинградский фронт, растянувшийся в ширину на 520 километров. 17 июля 1942 года фашисты пошли в наступление, сосредоточив для этого крупные силы. Ударную силу

вермахта составляла 6-я армия генерал-полковника Фридриха Паулюса – одного из главных составителей плана «Барбаросса», а это около 270 тысяч человек, три тысячи орудий и минометов и около 500 танков. Их поддерживала авиация 4-го воздушного флота – до 1.200 самолетов. Фашисты тогда значительно превосходили советские войска по оборонительной линии Сталинградского фронта как в живой силе, так и по вооружению, боевой технике.

Командир взвода управления 9-й батареи 3-го дивизиона 1080-го зенитно-артиллерийского полка Мелкиседег Церетели сразу же попал в самое пекло сражений. Его взвод вместе с другими частями дивизиона находился к тому времени в районе железнодорожной станции Бекетовка, в 8-10 километрах юго-западнее Сталинграда. Недалеко от станции расположился военный аэродром, охрану которого несли зенитчики лейтенанта Церетели.

На позицию дивизиона с раннего утра до позднего вечера постоянно заходили фашистские «юнкерсы», сбрасывая свой смертоносный груз. Гитлеровские летчики, зная о своем господстве в воздухе, действовали нагло и методично, бомбя квадрат за квадратом. Вздымалась земля, горела степь, взлетали целые холмы песка. В этом огненном вихре каждый из красноармейцев понял, насколько прав был командир взвода Церетели, требуя окапываться глубоко в землю.

Едва ушли после налета «юнкерсы», лейтенант Церетели, отряхнувшись от земли, поднес к глазам бинокль, так и есть. Впереди появились фашистские танки, которым удалось прорвать позиции советских войск и почти беспрепятственно продвигаться вперед. Они шли, не по-

▲ Мелко Церетели. Сталинград. Февраль 1943

дозревая, что совсем близко их ждет засада. Это Мелкиседег Церетели, миглом оценив критическую ситуацию, под прикрытием столбов дыма, поднятого бомбежкой, успел вместе со своими воинами опустить зенитные орудия и в подходящий момент прямой наводкой стал бить врага, забрасывая вражеские танки ручными гранатами. И вот вспыхивает сразу три стальных факела. Еще залп, и застыли на месте еще две машины. Отлично поработали наши бронебойщики.

Ни Мелкиседег Церетели, ни его подчиненные не знали, что расширение плацдарма у Бекетовки – часть

большого наступления гитлеровцев, в ходе которого они надеялись взломать линию обороны войск 62-й армии и выйти на плечах отступающих прямо к Волге.

На всю жизнь он запомнил знаменитый приказ, который вошел в историю как приказ И.В. Сталина №227: «Ни шагу назад!» Он был подписан 28 июля 1942 года, когда танки Клейста и пехота Паулюса рвались к Сталинграду. Этот приказ незамедлительно был отправлен во все воинские части. Во время небольшого перерыва между боями командир полка, куда входил взвод Церетели, прочел его бойцам. По духу своему, глубине патриотического содержания, по степени эмоционального воздействия этот суровый документ произвел на защитников Сталинграда неизгладимое впечатление...

Очередные атаки на Сталинград силами 6-й и 4-й танковых армий противник начал 19 августа. Развернулись жаркие бои на ближних подступах к городу. 23 августа начался невиданный до сей поры массированный налет фашистских стервятников на город. Тяжело приходилось в эти дни зенитчикам. Накал боя достигал предела, стволы зенитных орудий раскалялись от стрельбы. Приходилось воевать на два фронта – сбивать вражеские самолеты, а затем прямой наводкой бить из зенитных орудий с бронебойщиками по немецким танкам, наседавшим отовсюду. Земля содрогалась, воздух тугой волной бил в уши. Приходилось срывать голос, отдавая команду. Из-за сплошного дыма корректировать огонь было невозможно, но зенитчики не сомневались в точности исходных данных. Разорвавшейся рядом авиабомбой лейтенант Церетели был завален землей. К счастью, это заметил один из бойцов, и вместе с другими откопал своего боевого командира. Позже под Сталинградом Церетели вновь оказался в воронке под толстым слоем земли и также был спасен бойцами.

Напряженность боев усиливалась с каждым днем. Так, в сентябре наблюдательный пункт, на котором находились Мелкиседег Церетели и его бойцы, оказался окружен врагами. Тогда грузинский офицер принял решение прорваться к своим на батарею. Предстояло преодолеть несколько километров в незнакомой обстановке. Лейтенант построил бойцов, объяснил им задачу. Своего заместителя – старшего сержанта поставил впереди колонны, сам же с противотанковыми гранатами замыкал продвижение небольшого отряда. Смеркалось. В сумерках послышались немецкая речь, выстрелы. Начался бой. Десятки гитлеровцев были убиты, падали под пулями и советские воины. Волею судьбы уцелели после боя Церетели, его заместитель и телефонист. С трудом добрались до батареи, где их встретили дивизионные разведчики и провели на огневые позиции.

Церетели доложил командиру дивизиона, где они засекли вражеские подразделения, как вступили в бой с фашистами. Прибывший в те дни в расположение дивизиона командующий противовоздушной обороны Сталинграда генерал-майор Райнин, узнав о происшедшем, похвалил Церетели и назначил его командиром огневого взвода. Благодаря смелости и находчивости Церетели и его бойцов красноармейцы при поддержке авиации и танков разгромили на участке врага, не дав ему развить успешное продвижение.

Зенитчикам приходилось нелегко. Многих из них забрали на другие участки фронта, где немцам удалось прорвать нашу оборону и вклиниться вглубь советских частей. На смену мужчинам на батарею прибыло около сотни девушек, среди них была грузинка Лили Майсурадзе, все они в тяжелых условиях показывали чудеса стойкости и отваги.

...19 ноября 1942 года началось решающее наступление наших войск, завершившееся ликвидацией огромной группировки врага. Фашистам так и не удалось прорваться в расположение наших войск в районе станции Бекетовка, уничтожить советский аэродром. С этого аэродрома истребители и штурмовики наносили ощути-

▲ М.Церетели с дочерью Экой

мые удары по фашистским войскам. Воины дивизиона старшего лейтенанта Мелкиседега Церетели сражались до полного разгрома немцев. 2 февраля 1943 года отгремели последние залпы битвы на Волге.

...Мелкиседег Александрович Церетели прожил яркую жизнь. Долгие годы он был заместителем управляющего делами ЦК КП Грузии. В конце 90-х годов его не стало, тогда ему было 80 лет. Мелкиседег Церетели – один из тех, кто до конца своих дней был примером порядочности, честности и скромности. Среди своих наград он больше всех гордился медалью «За оборону Сталинграда», которая сегодня почитается его тремя внуками, как самая святая память об их героическом деде...

Мы рассказали об одном герое – участнике Сталинградской битвы, а ведь в грандиозном сражении на Волге участвовали тысячи наших соотечественников. Героически сражались в Сталинграде стрелковый полк под командованием подполковника М. Диасамидзе, который был удостоен звания Героя Советского Союза. Это о нем писал тогда Николай Тихонов: «Искусны были герои грузинского древнего эпоса, но не уступит им Диасамидзе... Мертвой дорогой сделал Диасамидзе дорогу немецких батальонов, сожженными танками обставил ее как факелами».

О герое-летчике Чичико Бенделиани, прославившегося в небе Сталинграда пела песню, сложенную в его честь, вся Грузия. Вместе с ним в боях за Сталинград отличились летчики Н.Абрамишвили, Б.Зумбулидзе, Д.Тавадзе, З.Хиталишвили, летчицы: Т.Мелашвили, И.Осадзе, Г.Турбелидзе.

Легенды ходили среди сталинградцев о необыкновенном мужестве Эстате Татанашвили – командире Мозырской 234-й истребительной авиадивизии, вступившего в эту должность 18 сентября 1942 года и ставшего генералом к окончанию Сталинградской битвы. Именно в его дивизии тогда находился сын Иосифа Сталина – Василий Сталин – настоящий ас авиации, который тогда летал под фамилией Васильева. Как рассказывал активный участник битвы за Сталинград командир 15-й стрелковой дивизии, тогда еще полковник Николай Каладзе, когда в небо

взмывали два грузинских сокола Василий Сталин и Эстате Татанашвили, им не было равных в воздушных боях. Кстати, факт этот малоизвестный!

Активными участниками грандиозной битвы были и легендарные летчики – Герой Советского Союза, тогда генерал-майор авиации, заместитель командующего 18-й воздушной армии Владимир Нанеишвили и командир авиадивизии, полковник Шалва Чанкотадзе. Оба в 1944 году получили новые воинские звания: первый – генерал-лейтенанта, второй – генерал-майора.

Неувядаемой славой покрыли себя воины 51-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием Николая Таварткиладзе, получившего звание генерал-майора 28 ноября 1942 года, когда его дивизия громила войска Паулюса. Еще раньше, 14 марта того же года звание генерал-майора было присвоено командиру стрелковой дивизии Кириллу Джухуа, три воина которой стали Героями Советского Союза. Командир дивизии закончил войну с десятью боевыми орденами, в том числе полководческими.

Прославился в битве за Сталинград начальник политотдела стрелкового корпуса полковник Михаил Чиковани, особенно в районе села Котельниково. Три раза корпус пополнялся новобранцами, такие страшные были потери. Лично водил в атаку полк полковой комиссар Варлам Джанджава, когда в одном из ожесточенных боев погибли командир, начальник штаба и другие старшие офицеры. После того боя уцелело 17 бойцов. Такова была цена за каждую пядь сталинградской земли.

В Сталинградской битве окончательно сформировался полководческий талант одного из самых прославленных героев той большой войны генерала Порфирия Чанчибадзе. Его 13-й гвардейский стрелковый корпус был одним из лучших в битве за Сталинград, что было отмечено Маршалом Советского Союза А.Василевским. Порфирий Чанчибадзе завершил войну в Кенигсберге, где 9 мая 1945 года зачитал акт о капитуляции Германии. Герой Советского Союза, командующий 2-й гвардейской армией, генерал-полковник Чанчибадзе скончался 14 марта 1950 года и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Среди защитников Дома Павлова были наши соотечественники: грузины Мосиашвили, Степанишвили, абхаз Цугба. Невозможно в одной статье перечислить всех грузин-участников Сталинградской битвы, эхо которой слышим мы и поныне. Так, например, еще многого не знаем о героических делах тогдашнего заместителя наркома путей сообщения СССР И.Д. Гоциридзе, который по приказу И.В. Сталина перепрофилировал части железнодорожных войск в обычные стрелковые подразделения и неотлучно находился с ними до завершения сражения за Сталинград...

К Сталинграду было приковано внимание всей воюющей Европы, всего мира. Здесь решалась судьба человечества. Чтобы вдохновить Ф. Паулюса Гитлер присвоил ему 31 января 1943 года высшее воинское звание генерал-фельдмаршала, а спустя несколько часов Паулюс был вынужден сдаться в плен! 2 февраля 1943 года Сталинградская битва была завершена. Общие потери врага составили около полутора миллиона человек, до двух тысяч танков и свыше 10 тысяч орудий и минометов, около 3 тысяч самолетов. По всей Германии был объявлен многодневный траур...

К.Рокоссовский, руководивший ликвидацией группировки Паулюса, был вызван в Москву. Он вспоминал, как его встретил Сталин: «Сталин не поспешил, не зашагал, а побежал... Подбежав вплотную, Сталин схватил мою руку двумя руками, сжал ее и, улыбаясь, с кавказским акцентом сказал: «Харашо, харашо, замечательно у вас получилось!..»

Вечная слава героям Сталинграда!

Леван ДОЛИДЗЕ

ТИФЛИССКИЙ КАЗЕННЫЙ ТЕАТРЪ

ВЪ ЧЕТВЕРГЪ 27-го АРТА

съ огромнымъ успѣхомъ эта лекція прошла въ петербургѣ, москвѣ, нѣвѣ, харьковѣ, одессѣ, казани, саратовѣ, ростовѣ, и др. гор.

ФУТУРИСТЫ

ЗНАМЕНИТЫЕ

МОСКОВСКИЕ

устраиваютъ научную лекцію

ЖИВОПИСИ И ЛИТЕРАТУРЪ

Прочтеть докладъ 1—АЭРОПЛАНЫ И ПОЭЗІЯ ФУТУРИСТОВЪ

О вліяніи техническихъ изобретеній на современную поэзію. Пробѣги автомобилей и пролеты аэроплановъ. снрашшая землю, даютъ новое мироощущеніе. Новая понятія о красотѣ.

Прочтеть докладъ (съ иллюстраціей снимковъ съ картинъ отъ Рафаэля до футуристовъ) 2—КУВИЗМЪ И ФУТУРИЗМЪ (ЖИВОПИСЬ)

1) Причина непониманія зрителемъ современной живописи. Критика 2) Что такое искусство живописи. 3) Европа. Краткія обзоръ Живописи XIX в. Ложнопониманіе. Барбизонцы Курба 4) Россія Образы в Брюсселѣ, Равеннѣ, Врубелѣ. 5) Импрессионизмъ. 6) Ванъ-Гогъ, Сезаннъ, Матиссъ 7) Дьяволъ (Поверхность Краска. 8) Платонъ „фактуры“. 9) Кубизмъ, какъ ученье о поверхности. 10) Религия (Искусство послѣднихъ лѣтъ) Футуристы. 11) „Вубновыя вазель“, „Сокръ мозолища“, „Ослѣпшія зрѣніа“.

Прочтеть докладъ 3—ДОСТИЖЕНІЕ ФУТУРИЗМА

издатель-аматоръ Императорскаго аэрос. Аэрс. клубъ

ВАСИЛІЙ КАЗЕНСКИЙ

ДАВИДЪ БУРЛАКЪ

Л. А. Г. А. С. Т. Р. О. Л. Ъ

ЛЮБОВЬ ТИФЛИССКОГО ПОВАРА

«Жил в Грузии мастер... Он счастья не знал!» - это строка из стихотворения грузинского поэта-символиста Тициана Табидзе, посвященного Нико Пиросмани. Художник посмертно удостоился многих прекрасных поэтических строчек о себе. Открыли его поэты и художники. Не удивительно: по словам Тициана, они искали сердце Пиросмани в бокале вина, - «затем, что одним мы помазаны миром».

Пиросмани умер весной, на Пасху, в ночь на 28 марта 1918 года. Стихотворение Алексея Крученых «Любовь тифлисского повара» было написано в первой половине того же года в Тифлисе. И его можно считать первым известным поэтическим посвящением Пиросмани. Впервые оно было опубликовано в сборнике «L'abanguardia a Tiflis» (Венеция, 1982, с. 267), а в русской прессе - в журнале «В мире книг» (1989, №4).

Написанное в едином творческом порыве стихотворение представляется не самым заумным в ряду футуристических произведений Алексея Елисеевича Крученых (1886-1968). Известный поэт, лингвист, разработавший собственную теорию о фактуре слова, о котором Маяковский сказал: «Истинный поэт, разрабатывающий слово», любимейший поэт Кирилла Малевича, - Крученых приехал в Тифлис в 1910-х годах и сразу стал одним из вдохновителей местного литературного авангарда и одним из организаторов поэтического объединения «41°».

В Тифлисе А. Крученых издал около 60 книг, иллюстрированных К.Зданевичем и им самим. Своими литографическими, гектографическими и автографическими книгами поэт произвел реформу в книгопечатании.

Ко времени приезда Крученых в Тифлис уже был открыт Пиросмани, а художественная жизнь приобретала силу и шумную славу. Он стал завсегдагдем вечеров, диспутов, докладов и лекций. Начало XX века в Грузии (как в России и в Европе) было временем «встречи» двух пластов искусства: профессионального и народного, переоценки духовных и эстетических ценностей прошлого. Не случайно Пиросмани оказался в поле зрения деятелей тифлисского авангарда. Он привлек к себе внимание собственным художественным опытом, поэтикой своего творчества, сюжетами с оригинальным представлением о мире и красоте. Пиросмани стал близок авангардистам качеством своих произведений, первообразами живописи и артистизмом. Входя в ткань профессионального искусства, творчество Пиросмани определяло искания многих поэтов и художников начала века. Это было связано и с антибуржуазной программой молодых бунтарей от искусства и с их тоской по эстетическим ценностям народного быта и творчества. В 1927 г. грузинский критик Л.Эсакия писал, что хронологически футуризм в Грузии начался с идеологии группы «41°», основанного Ильей Зданевичем (вместе с И. Терентьевым и А. Крученых).

▲ Н.Пиросмани. «Актриса Маргарита»

Под обаяние личности и живописи Пиросмани попал и А.Крученых. Находясь в той среде, которая увлекалась Пиросмани, Крученых не мог не обратить внимание на эпизод из жизни художника – его безответную любовь к актрисе Маргарите. Почему поэт обратился к этой легендарной и трагической истории великого мастера и не воспел его живопись? Думается, поэт вдохновился вечной темой несчастной любви, как неким проявлением непризнания обществом таланта творца. Именно эта мысль о непризнании могла беспокоить не только А.Крученых, но и Илью Зданевича и других.

Романтическую, любовную историю (или легенду) А.Крученых положил в основу своего стихотворения с чужого рассказа, скорее всего, со слов братьев Зданевичей. Легенда эта укрепилась позже и ее утверждению способствовали К.Марджанишвили, К.Паустовский, В.Шкловский, Р.Канделаки и другие авторы. Уже в наши дни Э.Кузнецов пишет: «Портрет актрисы Маргариты – одна из тех загадок, которая, наверное, никогда не будет разгадана. И немудрено, что воображение так часто обращалось к нему и искало в нем источник для легенды» (Э.Кузнецов. Пиросмани. Лд., 1984, с. 36).

Один из первых биографов Пиросмани, Кирилл Зданевич в своих книгах рассказал, как однажды художник вместе с друзьями зашел в кафешантан городского сада «Муштаид» и увидел «заморское чудо – француженку, мадемуазель Маргариту, певицу и танцовщицу». Он отдал ей сердце, но сбежала птичка-колибри, узнав, что Нико всего лишь лавочник, а не князь. Осталась «жесточкая боль, терзающая сердце». Пиросмани казалось, что жизнь кончилась, страдания надломали его, он стал неразговорчивым и только живопись придавала смысл его жизни.

В сюжетную канву стихотворения А. Крученых включил и другой факт биографии художника, который и в наши дни бытует как неподтвержденное предположение. Чей рассказ стал первоисточником? Снова братьев Зданевичей? Историю о том, как Пиросмани некоторое время служил поваром, сохранил нам известный грузинский поэт Г.Леонидзе. Со слов бывшего компаньона Пиросмани Д.Алугишвили, выяснилось, что вначале Пиросма-

ни был поваром в одной армянской тифлисской семье и часто советовался с Д.Алугишвили по поводу приготовления тех или иных блюд. Э.Кузнецов сомневается в достоверности этой информации и считает, что, если Пиросмани и служил поваром, то, скорее всего, в ранние годы жизни, в семье Калантаровых (упом. кн., с. 26).

Биографы Пиросмани утверждают, что он встретился с актрисой Маргаритой в то время, когда владел молочной лавкой. Возлюбленная вдохновила художника на создание картины «Актриса Маргарита» (клеенка, масло, 114 x 94, Госмузей искусств Грузии). В свое время академик Ш.Амиранашвили, художник и экспозиционер Г.Макацария и вдова Ильи Зданевича, Элен Дуар рассказали автору этих строк, что во время выставки произведений Пиросмани в Лувре в 1968 г. около упомянутой картины долго стояла сухощавая старушка, назвавшаяся прототипом «актрисы Маргариты». Этот факт косвенно подтверждает и объявление в газете «Тифлисский листок»: «Театр Бель-вю. Новость! С 27 марта 1905 года гастроль знаменитой артистки еще небывалого в России театра. Только на 7 гастролей La Belle Margarita D'Sevre. Начало в 9 часов вечера. Зал покрыт персидскими коврами». Справочные книги-календари утверждают, что «Бель-вю» находился на Головинском проспекте (ныне проспект Руставели) в 1900-1910-х годах.

В стихотворении «Любовь тифлисского повара» встреча художника и актрисы происходит во время службы Пиросмани поваром, т.е. оно написано в форме монолога-обращения к возлюбленной. Это крик души, выраженный в 26-ти строчках, и он не предполагает ответа. Герой стихотворения предстает как страдающий Меджнун со своим любовным признанием и отчаянием безответно любящего, с гневом, обращенным к самому себе.

Стихотворение воспринимается как единый речевой поток, экспрессивно окрашенный и интонированный. Здесь – конфликтность возвышенного и земного (высокого и низкого). Она прослеживается и в противопоставлении: повар-актриса, любовь-нелюбовь. А.Крученых острый взгляд Маргариты (актрисы, как бы неземные существа, идол – код высокого) с острым вкусом (или запахом) блюда (пища – код низкого, быта). Но и то, и другое субъективно для поэта-экзотика. С влюбленным героем, с его возвышенными чувствами связываются признаки низкого – молодой лук, чеснок, шашлык и колбаса, а язык героя сравнивается с дьяволом (а потому и достоин попасть на вертел, в огонь – за красивые слова признания в любви). Признаки, связанные с Маргаритой, относятся к категории высокого: ее золотая щека сравнивается с молодой луной (в «Любовной приключели Маяковского» 1918 г. А.Крученых сравнивает луну с образом жены). Стихотворение о любви Пиросмани, его словарный фонд и оригинальные рифмы типичны для Крученых – поэта-авангардиста. Речь героя, его «голос» в момент наибольшей экспрессии выражены словами родной грузинской речи. А поскольку Маргарита – чужеземка (француженка), потому в монолог Пиросмани включены отдельные французские слова. Кстати, слова в стихотворении, поставленные в парадоксальную связь, не лишены привычной для них семантики.

Высокое и низкое для А.Крученых это – любовь и материальный быт (еда, чихание). Это разные ракурсы, но они перетекают в единство психофизиологического переживания любви-нелюбви. Слова «чериме» (искаженное поэтом грузинское слово, означающее «Твои болячки мне») и «Вэртэр» также из области высокого и низкого. В смысловую ткань стихотворения включено имя героя романа Гете «Страдания молодого Вертера». И не случайно. Поэту нужна была параллель высокой символики и не надо искать здесь строгой аналогии. Хотя страдания Вертера – это исповедь души, тонко чувствующей, личности талантливой, владеющей переживаниями, неподвластными разуму. Гете воспел любовь sentimental-

ную, доходящую до экзальтации. Идеалом Вертера являются патриархальные отношения, и он несказанно рад, когда ему удастся приготовить самому завтрак из даров природы.

Рифмовка и связь слов у А.Крученых – эксцентрика, смена ритма планов, выделение буквы и гласной «э» в эмоциональном смысле не просто подбор слов по звуковой близости. Сознательное использование в русской речи грузинских и французских слов – поэтической прием, что и объявлял поэт в своей «Декларации заумного языка» (1921 г.): «Наобумное аналогичное, случайное, творческий порыв, механическое соединение слов, оговорки, опечатки, ляпсусы, сюда же, отчасти, относятся звуковые и смысловые сдвиги, национальный акцент». Когда грузинские поэты – футуристы, заявившие о себе манифестом 6 мая 1922 года, обратились к И.Терентьеву с вопросом с чего начинать и что делать, – поэт ответил: «Ничего. Кроме поэтического интернационала. Комбинируйте языки на заумной основе».

А.Крученых пытается соединить неожиданности образов в логической ткани текста с художественным опытом народного сознания. Здесь, как и во всем творчестве, поэт стремится победить летаргию привычки и утвердить творческую силу нелепости, языковой импровизации.

Одна из особенностей живописи Пиросмани – особый строй мышления, преобразование банального, будничного в фантастическое. К этому же стремится в своем стихотворении А.Крученых. У Пиросмани – искательская смелость и энергия, подсознательное чувственное богатство. У него самозабвенные комбинации красок и сюжетов, у Крученых все это проявляется в словах. А в общем – это видения мира в новых измерениях.

Кулинарные метафоры у А.Крученых не случайно вызывают ассоциации с натюрмортами Пиросмани, грузинский быт и культура хорошо были знакомы поэту.

Не случайно в стихотворении и масштабное визуальное выделение слов. «Весь горящий», ибо это – лейтмотив произведения, это образ трагической жизни и любви Пиросмани.

Ирина ДЗУЦОВА

АЛЕКСЕЙ КРУЧЕНЫХ
ЛЮБОВЬ ТИФЛИССКОГО ПОВАРА

Памяти Нико Пиросмани

Мargarита,
твой взор и ледяные бури
острей, чем с барбарисом абхазури,
душистой молодого лука
сверх шашлыка,
но, как полынь, моя любовь горька,
чихаю, сам не свой
рычу навзрыд, -
потерял я запах вкусовой.
Уже не различаю чеснока,
острой бритвой мне сердце режет
молодая луна –
твоя золотая щека.
Страдаю, как молодой Вэртэр,
язык мой, -
голый дьявол, -
скоро попадет на вэртэл!..
Шен генацвали, шен черимэ,
Мэримэ!
Бросаю к твоим сливочным ногам
бокал с колбасой
и утопиться
бегу
в Куру –
ВЕСЬ ГОРЯЩИЙ
и босой!

1918 г.

▲ Тянь-Шань. Вершина Джигит

В ОДНОЙ СВЯЗКЕ

Место действия – горы центрального Тянь-Шаня, хребет Терской-Ала-Тау. События семидесятилетней давности. Первовосходители Каракольского пика по северо-западному гребню возвращались в базовый лагерь, когда увидели круто взметнувшуюся в небо вершину. «Смотрите, какой джигит!» - воскликнул кто-то. Это восклицание определило имя второй по высоте вершины хребта. С тех пор заоблачные 5170 метров приковывали взоры альпинистов из разных краев.

У красавицы вершины был гордый и жестокий нрав. Простых путей к ней нет. На север, запад и юг она обрывается крупными обледенелыми стенами и ребрами. Нестойчивая погода, большое количество осадков, сильная заснеженность и раннее наступление осени – вот нелестная характеристика района, в который предстояло отправиться альпинистам. В августе шестьдесят пятого года группа челябинского «Буревестника» поднялась на вершину Джигит по контрфорсу северной стены и далее по северной стене, и удостоилась серебряных медалей чемпионата страны.

Положили глаз на нее и грузинские альпинисты. Вскоре в альпийском лагере «Шхельда» Гиви Картвелишвили и Мито Шарашенидзе, рассматривая помещенную в «Советском спорте» фотографию Джигита с маршрутом челябинцев, выразительно посмотрели на Михаила Хергиани. «Тигр скал» тогда готовился к своему знаменитому штурму «зеркала» Ушбы, ее отвесной северо-западной стены.

Хергиани в ответ тихо сказал: «Я бы попытался...»

- «Может быть, сходим вместе, Миша?!» - предложили ему. Он ничего не ответил, только улыбнулся своей доброй улыбкой.

Они так и не разгадали, что означала эта улыбка. Может быть, согласие. А может, чемпион скалолазов подумал, что им, молодым, рано идти на такую стену? Если это так, то он, конечно, был прав, рассуждали друзья.

Крайне суровая по метеоусловиям, устрашающего вида полуторакилометровая стена северного фасада пика манила, но маршрут по центру большого треугольника северной стены в силу своей сложности не допускал и мысли о его прохождении в ближайшие годы, оставался не по силам горвосходителям.

С годами сложность восхождений возрастала, но проблема вершины оставалась нерешенной.

Но выбор был сделан и вызов горам брошен.

Одиннадцать лет спустя грузинским альпинистам удалось пройти этим маршрутом на вершину, мечта о которой, как тень, следовала за ними на все горы, и каждую они рассматривали как подготовку к той, главной.

Золотые медали в классе технических восхождений чемпионата СССР 1976 года – награда за их мастерство, дань мужеству. Но только сами участники знали, какой ценой заработана эта спортивная форма, пик которой пришелся на июль-август 1976 года, высокий моральный дух и даже юмор на маршруте в сеансах радиосвязи.

Успех обусловила многолетняя схоженность команды. Каждый из ее участников – бывалый альпинист. Самые старшие (команда молодая, средний возраст ее 36

▲ Михаил Хергиани

лет) ходили в горы два десятка лет.

Тренер твердо знал, что на отполированной льдом стене, под непрекращающийся снегопад и яростные порывы ветра, и позже в сидячих ночевках (палатку «памирку» удалось раскрыть только у самого гребня горы), не дрогнут, отлично выполняют любую работу идущие с ним, не опустят руки, глянув на притаившуюся внизу бездну, на вершину, до которой еще шестнадцать дней пути. Остается, стиснув зубы, забыть об усталости, упрямо лезть вверх, вытягивать вплоть до вершинного гребня тяжелеющие с каждым днем рюкзаки.

Эти мысли не раз приходили в голову Гиви Картвелишвили, которого товарищи окрестили душой команды. Сам он своих заслуг подчеркивать не любит, предпочитая разговорам о них хорошо сделанное дело. А в том, что оно будет сработано на совесть, они не сомневались.

Сватаясь к красивой невесте – готовь богатый калым, советует восточная пословица.

Прежде чем внести гору Джигит в заявочный лист, они с наибольшей пользой провели предыдущие сезоны, определяя контуры будущей золотой команды, тех единственных, кого в решающий час возьмешь в связку. Так Гиви и его друзья, которые к тому времени прошли три маршрута на Кавказе и в Средней Азии, отмеченные золотыми медалями ранних восхождений, и все они высшей, шестой категории трудности. Неприветливый Чатын, двуглавая Ушба, похожая на копье в полете, мрачная Бодхона в Фанских горах. Выбор не случайно пал на эти маршруты. Ушба своим климатом, а Бодхона большой крутизной наиболее сходны с условиями, ожидаемыми на северной стене Джигита. Бесценный опыт стенных восхождений на классических маршрутах – богатый калым команды центрального совета ДСО «Гантиади» к ногам гордой красавицы горы, и она дрогнула сердцем.

Гиви Картвелишвили, руководитель и тренер экспе-

диции, капитан команды Мито Шарашенидзе, Тамаз Баканидзе, Мурад Чичинадзе, Тариел Лукашвили, Георгий Зумбадзе. Инженер-строитель, металлург, художник, студент, метеоролог, физик объединились в едином порыве вверх. В горах мало быть ловким, сильным, выносливым, надо любить их и иметь доброе сердце, иначе попадешь в беду.

Уже в базовом лагере штурмовая группа выдержала испытание на прочность. Наверх выходили шестеро, а их было одним больше. И тогда Роман Гиуташвили, опытный альпинист и мастер спорта, благородная душа, отказался от штурма в пользу товарищей. Только горвоисходитель может оценить великодушие этого поступка.

Шестеро вышли против вершины...

Своенравный характер маршрута достаточно полно передают скупые дневниковые строки «стенограммы» восхождения.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. 24 ИЮЛЯ. В три часа ночи выходим из верхнего базового лагеря. Темно. Прямо перед нами стоит Джигит, хотя его контуры еле угадываются в зеленоватом свете, отброшенном от снежных склонов и нижней ледовой части стены. Головная тройка Картвелишвили, Баканидзе, Чичинадзе начинает обрабатывать ледовую стену. К 11 часам погода начинает портиться. Сильные порывы ветра грозят сорвать с ледовой стены альпинистов.

Первые же метры дают знать о характере восхождения. Монолитные скалы крутизной 80 градусов. Негде ставить палатки. Погода сильно портится. Вешаем палатку на перилах и с трудом садимся в гамаки вчетвером. Двое, Зумбадзе и Чичинадзе, из-за отсутствия места, ночуют в гамаках 15 метрами выше.

ДЕНЬ ВТОРОЙ. Связка Зумбадзе – Чичинадзе выходит на стену. В ход идут площадка и лесенка. Первые

На стене. ►
Фото участника
восхождения
Г.Зумбадзе

▲ Дмитрий Дангадзе, Гиви Картвелишвили. Фудзияма. 1968

30 метров стена гладкая. Затем семь метров стена с отрицательным наклоном около 100-105 градусов, которая после перегиба переходит в вертикальный участок большой крутизны. Зумбадзе отличный скалолаз, но даже в галошах ему нелегко продвигаться. За день прошли две веревки по 60 метров.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ. Погода ухудшилась. Продолжать путь невозможно.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ. Непогода продолжается. Ветер. Снег. Даже для тьянь-шаньских условий погода необычная. По радио связываемся с нижней тройкой. Все в порядке. Настроение в группе бодрое. Порой ветер стихает. Сквозь рассеянный туман внизу на снежном склоне видим группу москвичей. Они сходят с маршрута. В 12.00 выходим на связь с наблюдателями. Нам передают текст телеграммы за подписью судьи соревнования с предложением сойти с маршрута в связи с сильной непогодой, с сохранением права повторного выхода на маршрут при хорошей погоде.

После восхождения мы узнаем, что причиной этого был прогноз плохой погоды на ближайшую неделю. Мы благодарим за предложение, но, оценив свои возможности, с маршрута не сходим.

Принимаем решение использовать для продвижения вверх любое короткое время. Час, полчаса. Все равно ночевки в палатке не предвидится. Лишь бы вверх...

Карниз уходит над головой с большим отрицательным углом, примерно 115 градусов. Его проходим, применяя высшую технику. Перегиб карниза выбрасывает альпиниста на 8-10 метров от стены, и человек, поднимаясь по веревке, висит над пропастью. Снег, стекая откуда-то сверху, забивает глаза, рот, уши... За семь часов пройден сорок метров.

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ. Вертикальная стена выводит на ледовый склон под рыхлой скалой. Это было единственное место, где мы предполагали поставить палатку. Однако первые же удары ледорубом разочаровывают. Под тонким слоем льда обнаруживаются монолитные наклонные плиты гранита. Палатку ставить негде. Ночевка сидячая для четверых, и еще двое в гамаках. Ночью погода хорошая. Впервые за девять дней показались Иссык-Куль и освещенный лампами Пржевальск.

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ. К вечеру резкое ухудшение погоды вынуждает верхнюю тройку немедленно спуститься вниз. Потеряны 65 метров высоты, пройденные с таким трудом!

ДЕНЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ. Близость конца стены подбадривает. Надо признаться, что сплошная непогода предыдущих дней утомила нас...

Стена пройдена! Устраиваемся на ночлег. Впервые за 15 дней ложимся спать в палатке, не привязанные к страховочным веревкам.

ДЕНЬ ШЕСТНАДЦАТЫЙ. В 12.50 выходим на западную вершину, начинаем спуск.

...Спокойствие воцарилось в их душах на вершине, при виде этого края снега и скал, окаменевших волн грозных исполинов. Они выиграли поединок, и теперь им предстоял спуск по западной стене, которая была разведена заблаговременно, для обеспечения безопасности в случае плохой видимости. О медалях, на которые они претендовали по праву первопроходцев, тогда не думали.

Радость пришла позже, когда спало напряжение схватки и на леднике внизу они увидели счастливые лица спешащих навстречу участников вспомогательной группы, терпеливо дожидавшихся их на этой прочной, удивительно родной земле.

В декабре того же 1976 года традиционная встреча Совета ветеранов союзной Федерации собрала цвет отечественного альпинизма: первооткрывателя вершины Победа на Тянь-Шане Августа Летавета, чьим именем назван пик на Памире, заслуженного мастера спорта Виталия Абалакова, многих первовосходителей вершин, «снежных барсов». Их вывод был однозначен: никогда еще в истории советского альпинизма не было столь сложного подъема.

Успех штурмовой группы разделили заместитель начальника экспедиции Тенгиз Берешвили, руководитель вспомогательной группы Заал Кикодзе, Гия Саджая, Тамаз Шарашенидзе, их товарищи, вынесшие на своих плечах тяжесть работы, без которой невозможен блеск золотых медалей.

С годами менялся состав штурмовых групп, менялось распределение функций каждого участника, но костяк этой великой команды оставался дружным, спаянным коллективом, верным ее традициям. За восемь лет (два сезона 1978 и 1980 годов выпали из-за опасности схода лавин и болезни основного участника) завоевано шесть комплектов медалей чемпионатов СССР в техническом и высотно-техническом классах. Два «золота», три «серебра», одна «бронза» - таким метким попаданием в «десятку» успеха не могла похвалиться ни одна команда.

В 1979 году, взойдя на пик Таджикского университета по канту восточного ребра и показав лучший результат в высотно-техническом классе, во второй раз стали чемпионами СССР Гиви Картвелишвили (капитан команды), Ираклий Гелдиашвили, Тамаз Баканидзе, Роман Гиуташвили, Тариел Лукашвили, Мурад Чичинадзе.

До этого были восхождения на пик Евгения Абалакова на Памире, пик Кюкюртюлю в районе Приэльбрусья, безымянная памирская вершина (6100 м), пик Давида Агмашенебели в Казбегском районе.

Было ясно: команда так громко заявившая о себе, пополненная молодыми спортсменами из Тбилиси, Кутаиси, Рустави, Сванетии, готова к встрече с Гималаями - заветной мечтой каждого альпиниста.

И такая экспедиция комплектовалась на базе альпийского клуба «Кавкасион» и СКА. 20 апреля - 15 мая

1991 года планировалось совершить восхождение на десятый восьмимысячник планеты Аннапурну (8091 м) по северному ребру. В составе первой грузинской гималайской экспедиции было двести человек, включая команду шерпов. Но в очередной раз вмешалась политика...

К чести команды она выделила из своих рядов первого грузинского альпиниста, взошедшего в 1991 году на третий полюс планеты Эверест – Романа Гиуташвили – в 54 года!

Вместе с ним в одной связке в составе международной команды готовился к штурму Эвереста Гиви Картвелишвили, но скоропостижная смерть отца заставила его вернуться домой уже из Катманду. Роману Гиуташвили не хватило всего полгода, чтобы его имя было внесено в Книгу рекордов Гиннесса как мирового рекордсмена. Самым «старым» покорителем Эвереста признали американца, а Картвелишвили, находящийся в отличной спортивной форме, на год старше Романа, так что...

Рано отказываться от хрустальной мечты, считали Гиви и его друзья.

В сентябре 1998 года они собрались в Казбегском районе, чтобы еще раз помериться силой с горами – главный инженер ремонтно-механического завода Бесо Бакрадзе, заместитель начальника управления Министерства по делам беженцев и расселению, кандидат технических наук Мито Шарашенидзе, директор республиканского центра детского туризма Минпроса Тариел Лукашвили, писатель и геолог Дато Джавахишвили, историк Георгий Бердзенишвили, Гриша Старчик, Гурам Каландадзе, молодые альпинисты из Тбилиси, Каспи...

Встретились и вспомнили тех, кто не смог прийти, – Ираклия Гелдиашвили, Дэви Тархнишвили, Мурада Чичинадзе, Георгия Зумбадзе, погибших на Ушбе 27 февраля 1984 года, бывших гордостью и славой грузинского альпинизма.

С этой трагедией связано письмо – крик боли – вдовы российского альпиниста, в 1980 году также встретившего

смерть в горах. С письмом я ознакомился в доме Гиви. Вот оно:

«Дорогой Гиви! Нет слов и слез, которые выразят боль, разрывающую наши души в эти дни. Знаю, что вы все вместе в нашем общем горе, но я и дети тоже с вами, в Тбилиси...

К сожалению, не знаю родных Ираклия, Гоги, Мурада.

Но я знаю тебя, для которого эти золотые, близкие сердцу ребята больше, чем друзья, больше, чем братья, больше, чем простые смертные. Поэтому я пишу тебе, хотя нет слов, только воспоминания об их теплых растерянных взглядах, словах, когда они не знали, что сказать мне в то ужасное лето 1980 года, и боль, страшная боль, держащая душу в тисках...

...Дэви, Ира, Гоги, Мурад...

Конечно, все мы будем жить дальше, мы привыкнем к этой боли, будем лелеять ее в наших душах, пока живы, будем пить и за их здоровье...

Но, мои родные хорошие друзья, умоляю вас, не испытывайте Богов. Наши чудесные, красивые Горы – Боги! И им решать, кому вернуться в суетную жизнь, а кому остаться у них.

Я понимаю, что многие из вас и дальше будут заниматься этим коварным, но прекрасным делом, называемым Альпинизм. Но это так тяжело терять вас, терять людей, которые составляют всю нашу жизнь, жить с этими потерями, любить их...

Всем-всем вам мой поклон.

Я вас всех очень-очень люблю. Маша».

Разгулявшаяся непогода тогда вынудила отказаться от восхождения в Казбегском районе. Но пока бьются сердца, лица их всегда будут обращены к горам, где бывает страшно, но встречаются особенные люди, доверяющие друг другу свою жизнь, на этой заоблачной спортивной арене в поединке со смертью, где, как нигде, проявляются сила и величие человека.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Александр Калягин в роли Просперо

▲ Сцена из спектакля «Буря»

СТУРУА ВЕРНУЛСЯ С «БУРЕЙ»

В конце прошлого года Тбилиси радушно принял московский театр «Et Cetera». Его приезд был важен не только в контексте культурного диалога двух стран – он означал (чтобы не сказать – ознаменовал) не что иное, как возвращение в родной театр имени Ш.Руставели Роберта Стуруа.

Накануне гастрольных спектаклей состоялась встреча режиссера и участников гастролей во главе с Александром Калягиным с представителями прессы.

- Мы с Давидом Смелянским долго уговаривали Роберта Стуруа стать главным режиссером нашего театра, - рассказал основатель и художественный руководитель «Et Cetera» А.Калягин. - Мы хотели его в любом качестве, лишь бы он был рядом. Во-первых, потому что наша группа крови во многом одинакова. Во-вторых, Роберт поставил на нашей сцене изумительный спектакль «Венецианский купец», который мы до сих пор играем. Мы его возили на многие международные фестивали. Это был, по сути, новый старт нашего театра. У Роберта, оказавшегося вне театра Руставели, были разные предложения и, конечно, сомнения. Но мы кинулись ему в ноги – и наша взяла, как говорится. А сейчас мы счастливы, что Роберт Стуруа вернулся в театр Руставели. Для него это очень важное и, прямо скажем, простое возвращение. Потому что ему предстоит многое пересмотреть, а в силу возраста, в силу инерции это будет сложно сделать. Хотя Роберт очень хорошо понимает, как вести родной театр, который он боготворит и в котором вырос. Несмотря на возвращение в театр Руставели, он остается нашим главным режиссером. Такая практика в мире существует. Это не сотрудничество – это дружба, признание и проявление большой любви к великой грузинской культуре.

Я убежден, что наш приезд что-то изменит в дву-

сторонних отношениях. Конечно, наши гастроли – это маленькая капелька. Но это та капелька, которая может и перевесить эту ситуацию. И я глубоко убежден, что только в любви и согласии можно жить. Долго в ненависти не просуществуешь. Это немислимо со всех точек зрения! Иначе человек испепеляет себя. Народ испепеляет себя, страдают люди по ту и эту стороны. Тем более – соседи. А искусство – очень тонкая, долгоиграющая вещь.

Роберт Стуруа поддержал друга:

- Все режиссеры, актеры, вообще люди искусства некоторым образом идеалисты. Они думают, что способны изменить мир. Без этого они не могли бы существовать. Что изменят эти гастроли во взаимоотношениях России и Грузии? Мы можем изменить общественное мнение. Но когда в зале сидит Ричард III и смотрит спектакль, а, наверное, в зале около 60 процентов таких людей – не говорю, что они убийцы, но в бытовом смысле они совершают не менее безнравственные поступки – тем не менее, они все – против Ричарда. Такие зрители по возвращении домой могут в течение часа, а другие минут пять подумать о себе, о своей душе... А утром они проснутся прежними. Мы надеемся, что завтра мир изменится и все будет хорошо, но, увы, это иллюзия. В моем спектакле «Буря» главный герой Просперо – постаревший Гамлет – поставлен перед выбором: стать убийцей или же закончить свою жизнь нормальным, хорошим человеком... Сейчас я чувствую себя мстителем. Все мои страсти направлены в эту сторону. Но вспоминаю одну историю. К Конфуцию пришел ученик и спросил: «Правда ли, что на зло надо отвечать добром?» Конфуций ответил: «Добру нужно отвечать добром, а злу – законностью...» Так что эта проблема бесконечна в нашей жизни, и ее очень сложно разрешить. Пятиактная пьеса «Буря» Шекспира посвящена именно этому – как бороться против зла. Если ответишь злом на зло, то

сам станешь злом. Мы, люди искусства, все-таки верим в то, что добро победит зло.

Роберт Стуруа сравнил свое возвращение в театр Руставели с возвращением в семью.

В пресс-конференции приняли участие и актеры театра «Et Cetera» - заслуженные артисты России Наталья Благих, Владимир Скворцов, Вячеслав Захаров, вспомнивший свое давнее «мощнейшее впечатление» от гастролей театра Руставели в Питере. «Сегодня есть возможность причаститься к вашим богам, к актерам, которые топтали эти доски. Мое благоговение подлинное!» - признался он.

«Et Cetera» показал на легендарной руставелевской сцене два спектакля. Первый – «Буря» Шекспира. По словам Роберта Стуруа, это одно из сложнейших произведений великого драматурга, его духовное завещание.

Сегодня мудрец и театральная гора Роберт Стуруа готов для шекспировской «Бури», для образа доброго волшебника Просперо (благо, есть такой мощный актер, как Александр Калягин), для чуть отстраненно-философского взгляда на происходящее в окружающей нас реальности. Ведь философия советует не возводить свой личный жизненный опыт в абсолют, а подняться над всем и взглянуть на себя и окружающий мир сверху и со стороны. Отсюда – «Буря». Известно, что зрелый Шекспир обобщил в этом произведении свои философские размышления о мире и человеке в нем. А еще поделился своими раздумьями о том, что человек (в пьесе – Просперо), обладающий безграничной, вселенской властью, может и должен распоряжаться ею согласно нравственному закону, хотя велико искушение использовать свои возможности хотя бы для того, чтобы расквитаться с врагами...

Думается, маг и книжник Просперо привлек Роберта Стуруа именно потому, что соединяет в себе могущество и благородство, силу и знания – сочетание почти невероятное в наше время! Наделенный сверхъестественными способностями, Просперо – Александр Калягин в итоге использует их во имя добра и мира.

Тема возмездия звучит в спектакле Роберта Стуруа во всю мощь. В первую очередь, это разрушительные силы природы, морская стихия, которой управляет Просперо. В постановке театра «Et Cetera» она поражает воображение! Тем более, что на помощь режиссеру и актерам приходят невероятные технические возможности, позволяющие эффектно воссоздать бурю, дождь и другие природные и космогонические явления. Пространство, ограниченное тремя белыми стенами, - остров, вокруг которого бушует море. Тот самый остров, на котором волею судеб оказался опальный Просперо. В то же время это выхолощенное пространство напоминает лабораторию, где проводит свои эксперименты ученый маг. Белые стены в спектакле – это экраны, на которые проецируется то стихия, то какие-то знаки, буквы и иероглифы – вероятно, научные и эзотерические познания Просперо. В сценах с участием Калибана (Владимир Скворцов) и клоунов Тринкуло (Андрей Кондаков) и Стефано (Алексей Осипов) используется яркое «цирковое» освещение (и это – Стуруа!).

Время от времени задник сцены раздвигается, и открывается ослепительно – голубая бездна, откуда появляются персонажи «Бури»... С помощью отлично выполненных световых, звуковых и иных эффектов удается перенести на сцену условный, фантастический контекст пьесы, ее сказочность, поэтичность. Восхищает любовная сцена с участием Миранды (Ольга Котельникова) и Фердинанда (Сергей Давыдов) - герои «парят» на софитах. Истинное порождение чудесного мира – легкий, почти хрустальный, ускользающий Ариэль (Наталья Благих) в серебряной «чешуе». Не случайно именно он извлекает волшебные звуки из стеклянных «инстру-

ментов» на авансцене или направляет движением руки игрушечный парусник. От этих деталей сердце зрителей сладко замирает...

Доминантой спектакля Роберта Стуруа становится сцена апокалипсиса, когда дух воздуха Ариэль превращается в Ангела смерти, выносящего суровый приговор грешникам. Сцена окрашивается в темно-красный – кровавый цвет! На задний «экран» проецируются висельники... Но Просперо отказывается от мщения, и наступает всепримиряющий финал. Алонзо (Вячеслав Захаров), Антонио (Сергей Плотников) и другие изменники прощены. Потому что не вражда, но любовь – та основа, на которой стоит мир. «Все грешны, все прощены ждут...»

Та же нота звучит и в спектакле Роберта Стуруа «Ничего себе местечко для кормления собак», в основе которого – пьеса французского автора Тарика Нуи. Несчастья приводят молодого мужчину и молодую женщину (по отдельности) на какой-то заброшенный пустырь, где хозяйничают голодные псы и где должна совершиться сделка: герои намерены купить оружие у торговца смертью (замечательная работа Александра Калягина). Цель мужчины (Сергей Давыдов) - самоубийство, цель женщины (Наталья Благих) - убийство (все равно кого – только бы не болела душа!). В финале пьесы Он убивает Ее, а потом становится жертвой одичавших собак – жуткий, прямо скажем, поворот событий, к которому, в общем, вполне спокойно, даже хладнокровно отнесся торговец оружием, не переставая при этом считать деньги.

Стуруа с таким финалом не согласился и предложил свой. Герой Александра Калягина, циничный, но в глубине души, вероятно, сострадательный человек, хоть и появляется из-под земли, как некое порождение преисподней, передает женщине оружие. Чтобы она произвела, наконец, выстрел и освободилась от наваждения, а мужчина – потенциальный самоубийца, став ее мишенью, ощутил реальную близость смерти... В итоге никто ни в кого не стреляет, мужчина бросается к ногам женщины, и она заключает его в объятия. Вместе, наверное, не так страшно в мире, стоящем на грани гибели (или уже погибшем?!), в мире, где собаки в любую минуту готовы расправиться с человеком – это метафора реальной опасности, нависшей над каждым из нас. Осознает это и торговец оружием, как мы понимаем, отказавшийся в финале от своего бизнеса (в «Буре» Просперо отказывается от магии). Вот такая поучительная история – притча... Действие разворачивается на том месте, где когда-то располагался кинотеатр. Об этом напоминают кадры великого немого, мелькающие на экране, и таперша (Элен Терни) за стареньким пианино, наигрывающая знакомые мелодии. В финале раздаются раскаты взрывов, и кинолента горит и плавится, словно в огне. И снова – апокалипсис!

Персонажи этого спектакля Стуруа достаточно условны, лишены конкретных, точнее, оригинальных черт. Он – неврастеник, хлюпик, ничем, в общем, не примечательный субъект. Она – женщина с большой, «кричащей» душой, с изломанной пластикой раненой птицы. Таких неудачников в окружающей реальности немало, и они безуспешно ищут пристанища в мире. «Существует же какое-то место для таких людей, как мы?! Должно существовать, правда? Для безумцев есть сумасшедшие дома, для мертвых – кладбища, для стариков – интернаты и пансионаты, для сирот – приюты, для бедных – бидонвили, для богатых – дворцы. Для всех свое место. И я уверен, что где-то есть место и для нас!..» - говорит Он. Но выход все равно только один – любовь. Все грешны, но все ждут прощения и остро нуждаются в сострадании. Прав Александр. Калягин: долго во вражде и ненависти не просуществоешь.

Инна БЕЗИРГАНОВА

А КАРАВАН ИДЕТ...

Любая история начинается с родителей.

В данном случае – с Наты Вачнадзе и Николая Шенгелая.

Вы знаете, например, что, полюбив поэзию Маяковского, Николай, распираемый желанием поделиться этой любовью, поступал так – залезал на фонарь на проспекте Руставели и читал стихи. «Во весь голос», из всех сил. Его увидел великий Марджанишвили, почувствовал близкую душу, тут же усадил к себе в экипаж и увез на киностудию своего будущего помощника.

Во время съемок картины «Двадцать шесть комиссаров» на бакинских нефтепромыслах вспыхнул пожар. Николай сразу бросился в огонь, спасать людей. Верико Анджапаридзе вспоминала, что его пытались удержать, но он вновь кидался в самые опасные места. И в эти минуты был счастлив.

9 декабря 1927 года Владимир Маяковский выступал в Театре Руставели. Успех был огромный. В переполненный зал вошла самая прекрасная пара Грузии. Маяковский прервал выступление и сказал: «Наташа, Николай! Что вы стоите, подойдите ближе, не стесняйтесь! Вот я вас здесь и обвенчаю принародно!» И весь зал смеялся и аплодировал, как бы признавая венчание свершившимся.

Вот откуда идет родословная нашего собеседника. И он с подобающим почтением и в то же время совершенно на равных стоит в ряду великих.

Что бросается в глаза при общении с ним? Простота и четкое ощущение дистанции. Вежливость и спокойствие. Слово «фольга», произнесенное с безупречно правильным и таким редким сегодня ударением на первом слоге... Что пленяет в его фильмах? Легкость восприятия бытия, чудесное легкомыслие, ощущение скрытого трагизма, тот самый «видимый миру смех сквозь невидимые миру слезы», умение улыбнуться, глядя в лицо беде, и даже в минуту отчаяния подарить надежду...

Можно попробовать составить десятку лучших фильмов отечественного кинематографа, пятерку, тройку... В

любой список обязательно войдет одна из картин Эльдара Шенгелая.

Впрочем, при встрече он принял мои комплименты очень просто, а в ответ рассказал, что недавно молодые критики составляли такие списки. На первое место вышел фильм «Элисо» Николая Шенгелая. На пято-шестое места – «Пирсомани» Георгия Шенгелая и «Необыкновенная выставка».

- А «Голубые горы»? - спрашиваю поневоле.

- Да, извините, я опустил. «Голубые горы» - на третьем месте.

Так мы и начали разговор. И говорили под звучащую иногда мелодию из «Голубых гор» - так звонит телефон Эльдара Николаевича.

- Недавно в одном из интервью вы сказали: «Думаю, пришло время вернуться в кино». Вы возвращаетесь?

- Да, возвращаюсь. В марте пройдет съезд Союза кинематографистов Грузии, и я уйду с поста председателя. Меня избрали в 1976 году. Мне уже 80 лет, ну неудобно дальше быть председателем! Тем более, что я хочу снять фильм.

- Я слышала, что не один фильм, а три.

- Да, я мечтаю о трех фильмах. Один – о Кутаиси по сценарию Резо Чейшвили. Второй, документальный, - по произведениям Бориса Андроникашвили, моего двоюродного брата, который был замечательным писателем и историком и написал книгу о русско-грузинских взаимоотношениях. А еще Дато Турашвили пишет сценарий по пьесе Вацлава Гавела, которую перевел Давид Какабадзе. Но это, конечно, не чешский вариант, а грузинский. У Гавела действующее лицо – президент, и он как бы сам над собой смеется. А наш персонаж – некий главный министр, который никак не может распрощаться с властью. У нас даже сцена придумана, как он ласкает и обнимает стул. Стул – символ власти, и он для него ближе и дороже, чем жена, дети, родственники.

- Кстати, о президентах. В честь вашего юбилея президент Грузии вручил вам Орден Сияния. Как вы воспри-

няли эту награду и как вы вообще относитесь к наградам и званиям? Тем более, что вы – народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и Грузии.

- Награды никогда в моей жизни не играли особой роли. Мне важно было сделать хороший фильм. Я, конечно, очень благодарен президенту Саакашвили. Его появление было неожиданностью, никто не знал, что он придет на «Необыкновенную выставку», он позвонил директору музея Каландия за 20 минут до открытия (к юбилею режиссера в Музее театра, музыки, кино и хореографии прошла выставка, на которой были представлены фотоархив семьи Шенгелая, рукописи, эскизы, костюмы из фильмов. - Н.З.) А когда я подъехал к музею, полиция меня не пускала, ждали президента. Моему водителю пришлось объяснять, что я и есть тот человек, без которого выставка не откроется. В конце концов пропустили. Вы знаете, на выставку столько народу пришло, что я даже не успел поблагодарить всех. Это и было для меня главной наградой.

- В России в эти дни по телеканалам шли ваши фильмы и программы, посвященные вам.

- Да, я знаю. Я получил поздравительные телеграммы от многих деятелей культуры.

- Отношения с российскими друзьями сохранились?

- Конечно!

- Никакие события на дружбу не влияют?

- Нет-нет. Вы знаете, что в Тбилиси каждый год про-

▲ Ната Вачнадзе с сыновьями

водится фестиваль российского кино? Вначале на этот фестиваль приезжало пять, от силы восемь гостей. На последний фестиваль приехало тридцать. Начинается от тепель в отношениях. В середине января я был в Москве, повидался со многими кинематографистами. Правда, некоторых моих друзей уже нет... Политика и дружба – совершенно разные вещи. Хотя я думаю, что всякое проявление дружбы как-то влияет на политику. В этом смысле очень важен визит в Москву Католикоса-Патриарха Илии Второго.

- А искусство может повлиять на политику?

- Кино, конечно, не может полностью преобразить человека и общество, но оно, во всяком случае, указывает на болевые точки. Вообще искусство любой страны следует за национальной культурой. Культура Грузии – уникальна, очень значительна. Это основа, фундамент для нашего творчества.

- Я хочу рассказать вам об одном случае. В 1984 году мне довелось присутствовать на городской комсомольской конференции – консервативной, строгой. По окончании участников ожидала культурная программа – показ фильма «Голубые горы». Такое, наверное, могло быть только в Грузии. Во-первых, выпустить на большой экран

такой фильм! Во-вторых, комсомольским функционерам показать картину о том, как рушится система и потолок падает им на головы. Как этот фильм дошел до большого экрана?

- Идея фильма принадлежала Резо Чейшвили, а сценарий мы писали вместе. Кинокомитет принял сценарий очень легко, на «Голубые горы» комиссия посмотрела как на развлекательную историю. До выпуска фильма на экран я должен был показать его в Госкино СССР. Так случилось, что Горбачев отдыхал в Пицунде и попросил Шеварднадзе привезти ему грузинские картины. Шеварднадзе привез «Голубые горы». Горбачев посмотрел фильм, очень смеялся, а потом сказал: «Если мы ничего не сделаем, на нашу голову свалится потолок». Приезжаю я в Москву, иду к Ермашу, председателю Госкино. Он начал мне объяснять, какую ужасную картину я снял. Я отвечаю: «Может быть, картина и плохая, но вот ему понравилась». И показываю на портрет Горбачева, который висел на стене. «А ты откуда знаешь?» - «Мне товарищ Шеварднадзе сказал». И стало ясно, что картину не закроют. Этот фильм для меня во многом связан с Сесилией Такаишвили. Мы познакомились у Верико Анджпаридзе, подружились и даже перешли на «ты». Сняться в картине я ее уговорил с трудом – она была очень нездоровая. Я обещал снимать ее сцены в считанные секунды и слово сдержал. На премьере «Голубых гор», после просмотра, я спросил, как ей понравилась картина, и она пожаловалась на плохой звук (а у нее были небольшие проблемы со слухом). Я ей сказал, что сегодня показали плохую копию (соврал, конечно), а завтра будет показ хорошей. Назавтра мы с механиком подняли звук так, что весь зал оглох. А Сесилия была очень довольна и хвалила и картину, и качество звука. Последняя наша встреча состоялась в Большом зале филармонии. Я уговорил ее прийти на показ, пообещав, что не попрошу сказать и слова. Кстати, на том просмотре был Серго Параджанов, которому картина очень понравилась. После показа я сказал зрителям: «Вот вам сюрприз», и вывел на сцену Сесилию. Надо было видеть реакцию зала – овации, цветы. А через три дня ее не стало...

- «Голубые горы» с успехом шли и за рубежом.

- Когда фильм показали в Индии, то все говорили, что это индийский фильм. Прекрасно приняли картину на Каннском фестивале. Хотя я должен вам сказать, о том, что происходило в Каннах, знаю по рассказам. Кроме Кайрского фестиваля, где мы показали «Мачеху Саманишвили», я не был ни на одном фестивале.

- Не выпускали?

- Не выпускали. В Каннах картину просили в конкурсный показ. Ермаш не дал. Пустили в режиссерский. И это был единственный случай в истории фестиваля, когда картину показали дважды. После первого просмотра сразу пошли разговоры, что это очень интересный фильм, и состоялся второй просмотр, и зал был переполнен. О картине была хорошая пресса. Даже сравнивали с Гоголем и Кафкой.

- В 1984 году фильм воспринимался как история о нашей тогдашней жизни. А сейчас понятно, что это фильм навсегда. Но как вам удается о горьких и тяжелых вещах говорить с легкостью?

- У Хемингуэя есть знаменитое высказывание о блестящей вершине айсберга и той его части, которая скрыта под водой. То есть о простом тексте и сложном подтексте. Если делаешь фильм, который всего лишь блестящий, ты в искусстве ничего не достигнешь. Завтра про это кино все забудут. А если сделаешь произведение, в котором есть и блестящая часть, и глубинная, оно останется навсегда. Таково кино Тенгиза Абуладзе, Ланы Гогоберидзе, Отара Иоселиани, Георгия Шенгелая, Резо Эсадзе, Саша Рехвиашвили, Тамаза Мелиава, многих других. Их фильмы смотрят по сей день. Кино на все времена.

- С вами работали два Резо – Чейшвили и Габриадзе. Как вы находили друг друга?

▲ С Сергеем Параджановым

- В 1960-е годы директором киностудии «Грузия-фильм» назначили Михаила Квеселаву. Это был очень интересный человек – философ, писатель, германист. Между прочим, он был переводчиком на Нюрнбергском процессе. Всех писателей, художников, композиторов, кого власть не признавала, он привел на студию. И содружество, возникшее при нем, предопределило то, что потом назвали феноменом грузинского кино. Я-то думаю, что феномен зародился еще в 20-х годах, когда в Грузии делали очень интересные фильмы. Потом начался социалистический реализм, и работать стало сложно. Но расцвет нашего кино начался в 1955 году, когда Резо Чхеидзе и Тенгиз Абуладзе сняли «Лурджу Магданы», фильм был показан на Каннском фестивале и получил специальное упоминание, а на фестивале в Эдинбурге – почетный диплом. - Н.З.) Нам все было ясно, враг – это советский режим. Но мы не снимали лозунги, это не искусство. Искусство – гораздо более сложное дело. Надо так сделать, чтобы внешне была занятая история, а за ней – большая мысль.

- Вы говорите, враг – это советский режим. Но ведь с этим врагом как-то удавалось сосуществовать, и во многих людях есть ностальгия по советскому времени. Как это объяснить?

- Понимаете, в то время в искусстве была цензура, но были и деньги. Сейчас цензуры нет и денег нет. Знаете, что важно? На «Грузия-фильме» была очень большая программа. Мы делали в последнее время 8-10 художественных фильмов в год. Кроме того – 15 телевизионных. Кроме того – мультипликационные. И около 100 документальных. Среди этих картин были и плохие, и средние, но были и очень хорошие. Поэтому сейчас очень важно, чтобы государство увеличило финансирование, а Национальный киноцентр в свою очередь финансировал субсидиями, то есть такими деньгами, которые не должны быть возвращены. При таких условиях мы будем снимать не 2-3 фильма, как сейчас, а больше. И если в их числе будет 1-2 хороших фильма, это будет очень хороший год.

- А какова в кино роль не денег, а личности? Я помню, в 1988 году вы представили тбилисской публике Роберта Редфорда. Он по сей день остается символом красоты американской нации. Это важно для общества?

- Очень важно. Я думаю, что везде должно быть так.

- В грузинском кино долгое время таким символом была Ната Вачнадзе. А сегодня?

- Мне трудно сказать. Абсолютного поклонения какому-то актеру сегодня нет.

- Оно необходимо?

- Обязательно. Знаете, в кино зрителя не интересуют ни режиссер, ни художник, ни композитор. На зрителя влияет актер, и никто другой. Он любит его, подражает ему. В моем детстве на экраны вышел фильм «Тарзан». Я помню, как дети начали скакать, прыгать и кричать, как Тарзан. И падать, кстати. Или «Три мушкетера». Мы, дети, поставили дома маленький спектакль по Дюма. То есть даже дети хотят делать то, что делает герой. Им нужен пример.

- Может быть, сейчас такого уже нет? Раньше кино было лакомством...

- Не думаю. Все-таки люди продолжают ходить в кино. Они хотят общаться, встречаться, ходить на свидания. Куда им пойти?

- Место встречи изменить нельзя – кино.

- Да. Единственная сложность – это дорого. А в СССР детский билет стоил 20 копеек. И мы прогуливали уроки, убежали «на шатало» и отправлялись всем классом в кино.

- Если говорить о детстве – что вам дала семья, родители? И вообще, какова роль семьи в воспитании?

- Огромная. В семье должны быть хорошие взаимоотношения. К сожалению, мой отец очень рано скончался, хотя я хорошо его помню. Он снимал в Кахетии фильм «Он еще вернется», который не закончил. Я ему помогал – шла война, многие ушли на фронт, и людей не хватало. Он меня попросил выполнить работу осветителя – держать щит с фольгой, который отражал свет. И держать надо было так, чтобы щит не дрожал. Знаете, я так любил папу, что просто окаменел с этим щитом в руках. И когда закончилась съемка, он мне сказал: «У тебя есть профессия – осветитель». Когда папы не стало, мама нас воспитывала так, что нам казалось – папа рядом с нами. Дома висел его большой портрет. По всем вопросам мама говорила – ваш отец сказал бы так, поступил бы так.

- Каким вы были в детстве?

- Непослушным. Учился плохо, на двойки-тройки. Занимался только по тем предметам, которые любил, – по географии, истории, литературе. Мама решила меня отдать в суворовское училище, и я сбежал из дому, три дня прятался на чердаке. Друзья приносили еду. Потом мама узнала, где я, поднялась ко мне, долго и ласково уговаривала меня вернуться домой. Я спустился, когда она дала слово никому меня не отдавать. Вы знаете, мама вообще никогда не поднимала на меня руку, не повышала голос, не называла какими-то обидными словами. Никогда. Она просто со мной разговаривала, объясняла.

- Наказывала?

- Нет.

- Как вы считаете, детей надо наказывать?

- Нет, не думаю. Потому что в этом случае у ребенка возникает сопротивление и пропадает любовь. С ребенком надо разговаривать. И обязательно разговаривать очень спокойно. Так говорила со мной мама, и моя любовь к ней становилась все сильней.

- Студенческие годы часто называют золотыми. Какими они были у вас?

- Это были самые прекрасные годы. Я должен вам сказать, что тогда в стране развернулось строительство гидротехнических сооружений, и половина моего класса, и я в том числе, поступила в политехнический институт на гидротехнический факультет. Я проучился полгода и понял, что это не мое дело. Принес документы домой и сказал маме, что хочу быть режиссером и поеду поступать в Москву. Она очень расстроилась.

- Она не знала ваших способностей или сомневалась в них?

- Во-первых, она сомневалась, потому что я не проявлял способностей. А во-вторых, боялась, что, став режиссером, я останусь без работы, ведь Сталин тогда выдвинул тезис, что фильмов надо снимать мало, но хорошие. И мама попросила замечательного режиссера Додо Алексидзе проверить меня. Она думала, что он откажет-

ся от меня. А получилось наоборот. Я ходил к нему пол-месяца, делал этюды, сам ставил, сам играл, и Додо сказал: «Ната, он очень способный парень. Не сомневайся, пусть идет своим путем». Мама достала мне программу для поступления, и я начал самостоятельно заниматься, очень серьезно. А потом мы приехали в Москву. Я маме сказал, что если она появится в институте, я сразу уйду.

- Не хотели поступать как сын Наты Вачнадзе?

- Хотел поступить или не поступить сам, без протекции. Пошел сдавать. А буква «ш» в конце. Пришел к девяти. Уже пять часов, а до «ш» еще далеко. Вдруг мне говорят, что меня внизу спрашивает какая-то женщина. Спускаюсь – мама. Я говорю – ты что, хочешь, чтобы я ушел? А она отвечает – ты голодный, пойдем, где-нибудь перекусим. Мы пошли на Белорусский вокзал, зашли в маленькое кафе. Мама заказала поесть и рюмку водки. Я изумился. Мама водку никогда не пила. Она очень любила свою Кахетию и за обедом выпивала стаканчик «саперави» и нам с братьями наливала по рюмочке вина. Как лекарство. А тут – водка. А она говорит – это для тебя, успокоишься, согреешься. Я выпил. Пошел на экзамен. И сдал. Правда, сочинение на тему «Горький и социалистический реализм» переписал со шпаргалки. А педагог потом ставил меня в пример остальным абитуриентам и стыдил русских – вот, мол, грузин написал прекрасное сочинение и получил единственную пятерку. В институте в первый же день я познакомился с Алексеем Сахаровым, который стал моим другом на всю жизнь. Я его называл своим третьим братом. Мы с ним поставили дипломную работу «Легенда о ледяном сердце». Откровенно говоря, я недавно посмотрел эту картину. Очень слабая. Потом мы с Лешей поставили «Снежную сказку», где сыграл Евгений Леонов, и это была одна из его первых ролей в кино. Картину показали на правительственных дачах. Уж не знаю, кто ее смотрел, но она не понравилась, и заплатили нам очень мало. На эти деньги я купил ночной горшок, и моя жена Ариадна очень обрадовалась – у нас родилась первая дочка Наташа, и он оказался кстати. Потом мы хотели снимать «Портрет» по Гоголю. Но руководитель объединения Иван Пырьев заявил, что не время ставить Гоголя, надо снимать современные фильмы. Я пошел в канцелярию «Мосфильма» и написал заявление об уходе. А мне говорят: «Ты дурак, что ли? Люди мечтают сюда попасть. Даем тебе неделю, может, одумаешься». Через неделю я пришел, забрал документы и уехал в Тбилиси. Начал работать на «Грузия-фильме». В 1966 году мы с Тамазом Мелиава поставили «Белый караван» по рассказу Мераба Элиозишвили. Изначально картина называлась «Перекрестки дорог». Но фильм посмотрел Нодар Думбадзе (я вам уже говорил, что на киностудии был собран блестящий состав профессионалов) и сказал: «Название не годится, назовите «Белый караван». Так и назвали. Кстати, снимать этот фильм было тяжело.

- Почему?

- Потому что работали с овцами, а это очень сложно. В день мы снимали, наверное, всего лишь плана два, не больше – заставить овцу повернуться, как тебе надо, невозможно.

- Потом вы сняли два фильма по сценариям Резо Габриадзе – «Необыкновенную выставку» и «Чудаки».

- Я говорил и повторяю еще раз, что Резо Габриадзе сыграл очень большую роль в моей жизни. Каждый художник ищет свой почерк. Я его нащупал на съемках «Снежной сказки», а в общении с Резо нашел окончательный. «Необыкновенная выставка» вышла на экран без купюр во многом случайно. Картину принимал в Москве председатель кинокомитета Романов. Смотрели грузинский вариант. Резо переводил, я сидел рядом. По окончании Романов говорит: «Фильм не получился. Завтра я вам выскажу мои замечания, если вы их учтете, получится обыкновенное среднее кино». Приходим на следующий день, а в кабинете роскошный стол накрыт. Мы изумились – неужели для нас? Но тут вошел французский атташе, и все

стало ясно. А Романов поскорее выпроводил нас, сказав, чтобы мы вырезали только ту сцену, где Агули что-то кричит про Гитлера. Я так и сделал. Но вырезал ее не из негатива, а из обыкновенной позитивной пленки. Вообще в тот год все были заняты подготовкой к 100-летию со дня рождения Ленина, и «Выставка» проскочила на экран. А «Чудаки» возникли из идеи Габриадзе снять фильм про первых грузинских летчиков. Мы собрали огромный материал, но в процессе работы замысел менялся, и в итоге возник тот сценарий, по которому и сняты «Чудаки». Кстати, это русское название – редактор в Москве не пропустил название «Чокнутые». «Чудаки» – картина, где особую роль сыграла музыка. Когда мои друзья посмотрели готовый фильм, но без музыки, то сказали, что картина не состоялась. Но как только в финале зазвучала музыка Гии Канчели в интерпретации Джансуга Кахидзе, все получилось. Между прочим, технически эта картина

▲ Эльдар Шенгелая с дочерью Еленой

была очень сложной, и нам помогали военные – я имею в виду финальные кадры.

- Сценарий для «Мачехи Саманишвили» вы писали вместе с Резо Чейшвили.

- Я вообще очень люблю творчество Давида Клдиашвили. В свое время мой отец вместе с Серго Клдиашвили написал сценарий «Мачеха Саманишвили», и Котэ Марджанишвили снял немой фильм. Это в какой-то мере послужило для меня толчком тоже снять фильм по этому произведению. А с Резо Чейшвили мы были и остаемся большими друзьями. Кстати, Имеду Кахиани на роль Платона предложил именно он.

- А как вообще вы выбираете актеров? В ваших фильмах часто играют непрофессионалы.

- Для меня главное, чтобы человек по своей природе был артист. Например, Гурам Лордкипанидзе, исполнитель главной роли в «Необыкновенной выставке», был моим ассистентом.

- Эльдар Николаевич, что сегодня представляет для вас главную ценность в жизни?

- Я все время слежу за тем, что происходит в мире. Я человек, и мне хочется, чтобы человечество жило в мире. Меня очень беспокоит то, что происходит в Сирии, Египте. Я хочу, чтобы в мире воцарился мир, чтобы человечество заботилось о себе, чтобы расцветали культура, знания, искусство. И чтобы все, что делает человек, было на пользу человеку. Это, конечно, мечта о том, чего никогда не будет. Человечество всегда воюет, и всегда есть какой-то раскол. Но мечта есть мечта.

- Дай бог, чтобы и эта, и другие ваши мечты осуществились. От всего сердца еще раз поздравляем вас с юбилеем и с нетерпением ждем ваше новое кино!

- А я хочу поблагодарить ваш журнал за то большое дело, которое вы делаете во благо грузино-российских отношений. Спасибо!

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

▲ Дом на улице Мачабели, 2

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

Чем измеряется ценность человеческой жизни? Количеством добрых дел? Научными открытиями или поэтическими строками? Единством семьи, в которой растут дети? Поступками, которыми ты можешь гордиться?.. Говорят, что каждый должен посадить дерево, написать книгу и вырастить ребенка. Адвокату и журналисту Ивану Феликсовичу Тхоржевскому, страницу которого мы сегодня открываем, все это удалось. Да, еще как! За те 30 лет, что он прожил в столице Грузии, круто изменив свою жизнь и став тифлисцем в 1879 году, он смог сделать немало. Он первым перевел на русский выдающихся грузинских поэтов и первым – русских поэтов на грузинский. Не говоря уже о полном издании песен Беранже и стихотворений Гюго, где добрая половина переводов тоже принадлежит ему. А

еще у Тхоржевских было пять сыновей и пять дочерей. Да и должность юриста скучать не давала. Казалось бы, чего же более? Так нет, он еще берется за издание журнала! И если в 1881 году мы заглянем в дом Харазова, что у истоков Сололаки, на Эриванской площади, то увидим, как вдохновенно создается этот самый журнал – «Гусли», обличительный, с рискованными статьями и рисунками...

Конечно, Иван Феликсович никогда не справился бы со всем этим один. Уж, извините меня дорогие читатели за такое утверждение, но речь идет не только о детях. Жена – замечательная женщина Александра Александровна, урожденная Пальм, больше трех десятилетий была рядом с ним во всех делах. Кроме, конечно, юридической практики. Он – уроженец Сева-

▲ Семья Тхоржевских

стополя, она училась в Петербургской консерватории по классу фортепиано, встретились и поженились они в Ростове-на-Дону. А через пять лет приехали в Тифлис, связав с ним свою дальнейшую судьбу, дав в нем жизнь всем своим детям. И именно здесь Иван и Александра... простите, Иван-да-Марья вместе первыми переводили грузинские и французские строфы, сегодня ставшие классикой. Да, таков был псевдоним этого поэтического дуэта – название цветка. Оно стоит и под сборником «Грузинские поэты в образцах», изданного в Тифлисе в 1889 году, и под переводами из французской поэзии, увидевшими свет позже.

Раскроем этот сборник и прочтем хотя бы одно стихотворение. Например, вот это, которое стало самым переводимым на русский язык поэтическим произведением не только с грузинского, но и вообще со всех существующих языков. Это – «Мерани» Николоза Бараташвили. Благодаря Тхоржевскому оно впервые прозвучало на русском через 42 года после того, как было написано в 1842-м. Кто только не переводил его в XX веке! А вот в позапрошлом столетии перевод звучал так:

*Летит мой конь вперед, дорог не разбирая,
А черный ворон вслед зловеющий крик свой шлет.
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по ветру развеи печальной думы гнет.*

И вот что интересно: этот перевод и сегодня – один из лучших! Даже премудрые современные литературоведы признают: он «довольно точно передает общий смысл и образный строй оригинала» и «был наиболее адекватен грузинскому подлиннику, поскольку переводчик предпринимал лишь первую попытку встроить в русский стих нечто грузинское».

Но вспомним, что кроме русского, «салонным» языком тогдашнего Тифлиса был и французский, так что Тхоржевские, вполне естественно, обращаются и к нему. Проходит четыре года, и под редакцией Ивана Феликсовича издается «Полное собрание песен Беранже в переводе русских писателей». И свыше по-

ловины (!) стихов переведены им с супругой. Еще три года – и появляется «Собрание стихотворений Виктора Гюго в переводе русских писателей». Редактор – все тот же Тхоржевский. А сами Иван-да-Марья перевели ни больше ни меньше 141 стих, остальное – работы лучших переводчиков, причем некоторые публикуются впервые. И еще о ценности творчества этой уникальной пары для наших времен: в том сборнике Гюго – множество стихотворений, которые не переводились на русский язык ни до, ни после Тхоржевских.

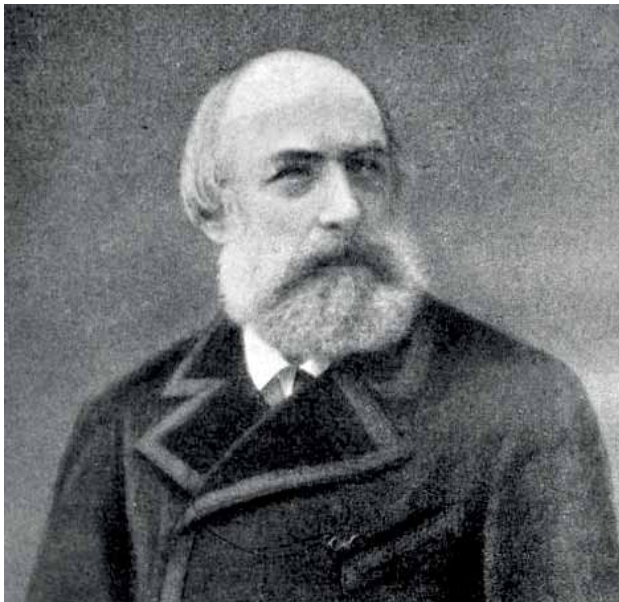
И еще о том, что не может не удивить. Вся эта гигантская работа, которую сегодня позволяют себе лишь профессиональные литераторы, требующие еще и особых условий для творчества, делалась Иваном Феликсовичем в... свободное от основной – юридической – деятельности время. А о том, каким адвокатом был г-н Тхоржевский, можно судить по такому примеру. В 1880-е годы он выигрывает в суде дело князя Амилахвари, и тот расплачивается... большим участком земли из своих владений, возле села Самтависи. Ничего себе гонорар, не правда ли? Там-то адвокат-поэт и строит просторный дом, куда с наступлением летней жары из Тифлиса приезжает вся большая семья, заводит виноградник и фруктовый сад. А вдоль дороги, спускавшейся к речке Лехура и знаменитой церкви XI века, высаживает грецкие орехи. Эти разросшиеся деревья шумят листвою и поныне...

Но, уж, если мы удивляемся тому, что Иван Тхоржевский успевал успешно совмещать столько дел, то о его супруге и говорить нечего. Даже, если бы женщина, родившая десять детей (сегодня и подумать страшно!) занималась только домом, ее уже можно считать героиней. А тут еще стихи (причем не в «светский» альбом), переводы (отнюдь не в стол), тщательная редакция весьма объемных изданий... По-моему, объяснить это можно не только любовью к мужу, но и еще парой причин. Во-первых, в жилах Александры Александровны текла кровь деятельно-творческих людей – драматурга и актрисы, а во-вторых, она воспитывалась на примере общего семейного дела – театра. И точно также дело мужа стало ее делом. Тут нам самое время присмотреться к семейству Пальм. И не только потому, что оно подарило Ивану Тхоржевскому столь замечательную подругу жизни. Эта семья тоже имеет самое непосредственное отношение к культурной жизни Тифлиса конца XIX века.

Ее глава, Александр Пальм в 27 лет пережил такое, что не пожелаешь и врагу. Поручик лейб-гвардии егерского полка в 1849-м арестовывается по делу петрашевцев –противников самодержавия, собиравшихся в Санкт-Петербурге у титулярного советника Михаила Буташевича-Петрашевского.. Суд над этими вольнодумцами вошел в историю русской литературы. Ни в одном политическом процессе российской истории не участвовало столько литераторов. На «пятницах» у Петрашевского можно увидеть Федора Достоевского, Михаила Салтыкова-Щедрина, Алексея Плещеева, Аполлона и Валериана Майковых... Конечно, не все они предстают перед судьями генерал-аудиториата. А вот Пальм вместе с Достоевским и еще двадцатью двумя петрашевцами приговаривается к расстрелу и переживает «десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти». Осужденным, просидевшим восемь месяцев в одиночках Петропавловской крепости, наказание смягчают, но объявляют им об этом лишь после того, как выводят на плац и имитируют казнь...

Так что ясно, почему Достоевский считал Пальма своим приятелем. Более того, отправляясь на сибирскую каторгу, Федор Михайлович обнимает Александра Ивановича и весело объявляет ему, что они еще увидятся. Пальм отправляется в противоположную сторону – он переведен, все с тем же чином поручика, из гвардии в армию. Участвует в военных операциях на Кавказе, после Крымской войны выходит в отставку с эполетами майора. И не очень долго задержавшись на «казенной службе», окунается в литературу, оставшись в ней под псевдонимом «С.Альминский». Так подписаны весьма популярные в свое время четыре романа, несколько повестей, да еще около десяти пьес. И с Тифлисом его связал именно театр.

Драматург Пальм женат на известной провинциальной драматической актрисе Ксении Мальм. Так что, их дети просто не могли не связать себя с театром. И старший сын Сергей, начав с водевильных ролей, создает антрепризу, которая в 1877-м, уже став успешной, приезжает в Тифлис. Это весьма примечательная труппа, она состоит практически из одной семьи... Сам петрашевец играет главную роль в собственной комедии «Старый барин», его жена – всех grande-dame (немолодых знатных женщин), антрепренер-сын и режиссирует, и блистает на первых комических ролях. Причем, в

▲ Александр Пальм

Тифлисе он так поднаторел в этом, что остается в истории российской оперетты как родоначальник амплуа комика-буфф. Его брат Григорий – герой-любовник комедий и оперетт, жена Григория – певица. Сестра матери семейства играет молодых дам и барышень, а ее муж Иосиф Труффи блистает не на сцене, а в качестве капельмейстера. Что, впрочем, не удивительно – он скрипач Тифлисского оперного театра, впоследствии станет там дирижером и будет опекать никому не известного молодого певца Федю Шаляпина....

Сегодня такое, конечно же, назовут «семейным бизнесом», а тогда употребляли слово «товарищество». И тут стоит послушать знающего человека – публициста, князя Георгия Туманова: «Товарищество Пальма имело головокружительный успех и успех довольно продолжительный... Прочность ему придавал однородный состав его.... Это семейное начало не вредило сценическому успеху спектаклей. Общая польза товарище-

ства требовала также привлечение свежих сил со стороны. По временам появлялись в труппе выдающиеся провинциальные артисты...» Справедливости ради, к этому надо добавить, что в труппе Пальма появлялись не только способные провинциалы. Легендарный тифлисский промышленник-меценат Исая Питоев, говоря по-нынешнему, спонсор больших театральных начинаний, уговаривает Сергея Пальма пригласить и оперных артистов.

Антреприза арендует единственное помещение, пригодное для постановок после того, как, за четыре года до ее приезда, на Эриванской площади, в здании караван-сарая Тамамшева, сгорел роскошный оперный театр, которым так гордился город. Так что, представления даются в старом Казенном театре в Инженерном саду, на перекрестке Инженерной улицы и Водовозного переулка. Сейчас это место застроено. И прямо на него смотрят с набережной те, кто ищут пищу духовную в рядах художников перед Сухим мостом, и те, кто вкусил пищу в ресторане «Дзвели сахли» («Старый дом»). Им уже не увидеть неказистое на вид, но имеющее большой красивый зал, наполовину деревянное летнее здание...

Несмотря на то, что оно плохо отапливалось, происходившие в нем действия имели огромный успех у почтенной публики. Слово еще одному тифлисецу, выдающемуся военному деятелю Алексею Брусилову. «В то время в Тифлисе был очень недурной театр, было много концертов и всякой музыки, общество отличалось своим блестящим составом, - вспоминает он конец 1870-х, когда был молодым офицером. - Больше всего нас привлекала оперетка, во главе которой стоял Сергей Александрович Пальм (сын известного беллетриста 70-х годов Александра Ивановича Пальма); в состав труппы входили артисты Арбенин, Колосова, Яблочкина, Кольцова, Волынская и много других талантливых певцов и певиц. Даже такие великие артисты, как О. А. Правдин, начинали свою артистическую карьеру в этой оперетке»... Что ж, оперетта – опереттой, но не надо забывать, что в 1878—1881 годах Пальм был еще и антрепренером итальянской оперной труппы в Тифлисе.

Мне кажется, что можно понять, почему Тхоржевские именно к этому времени перебрались в столицу Грузии – она уже была очень хорошо «обжита» ближайшими родственниками Александры Александровны. И, в связи с этим, вернемся с театральной страницы на литературную. Ведь то же самое кооперативное, семейное начало положено и в основу еженедельного художественно-юмористического журнала с карикатурами «Гусли». Редактором становится Иван Тхоржевский, его правая рука, конечно же, супруга. Тесть драматург Пальм пишет фельетоны и рассказы. А потом на страницах «Гуслей» проходят «дебюты» стихов Алексея Плещеева. Того самого, которого мы видели в рядах петрашевцев. Легко представить, с какой радостью встречает петрашевец Пальм то, что присылает его товарищ по мятежной молодости. Сначала появляется стихотворение «Ты жаждал правды, жаждал света...», посвященное двадцатой годовщине смерти Николая Добролюбова. Затем знаменитый грузинский публицист Нико Николадзе просит поэта прислать еще что-нибудь для этого журнала – яркое доказательство того, как относилась к «Гуслям» местная прогрессивная интеллигенция. И Плещеев присылает в Тифлис уже вовсе крамольное «Без надежд и ожиданий...»

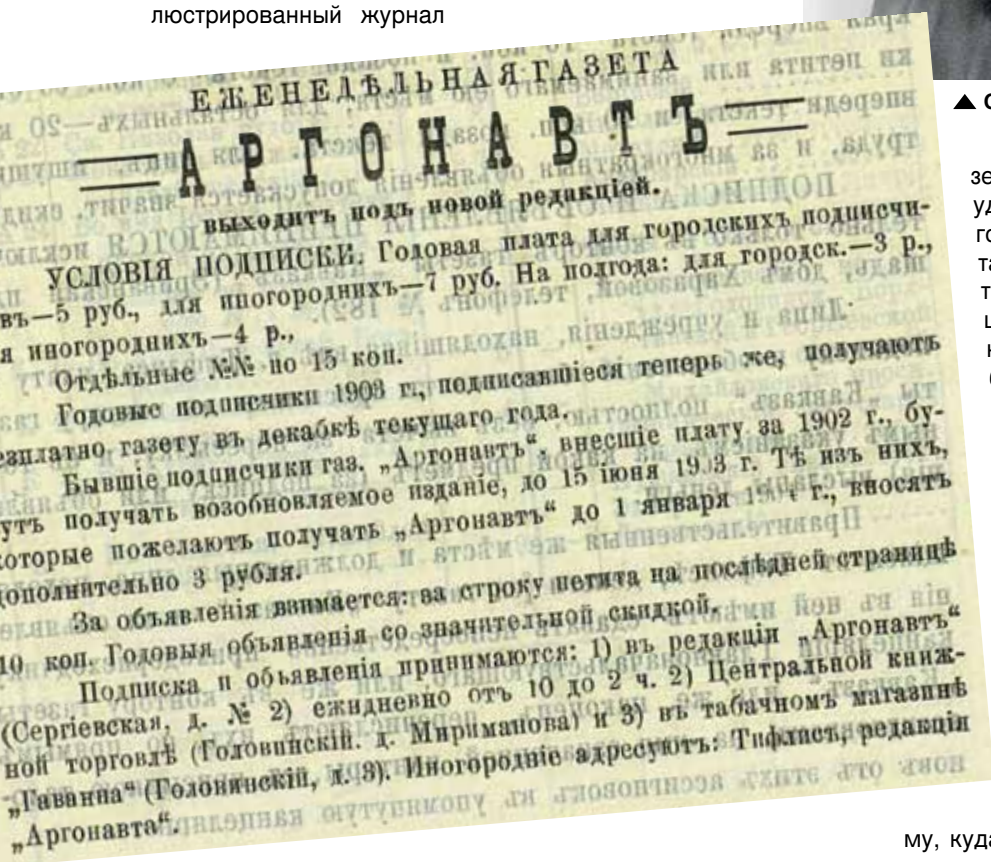
Почему это стихотворение было искромсано цензорами и заставило власти косо поглядывать на «Гусли»,

мы поймем, прочитав хотя бы его начало: «Без надежд и ожиданий/ Мы встречаем Новый год./ Знаем мы: людских страданий, / Жгучих слез он не уймет;/ И не лучше будет житься/ Людям с честною душой...» А тут еще в огонь цензуры подбросил дров врач, один из основателей научной стоматологии в России Михаил Чемоданов. Тифлиссские публикации этого человека, прежде в Петербурге иллюстрировавшего лекции Николая Склифосовского и медицинские учебники не имеют ничего общего с медициной. Свой дар рисовальщика он отдал политическим карикатурам, уже хорошо известным в обеих российских столицах. В Тифлисе из-за его злых карикатур даже на самого государя-императора уже был закрыт журнал «Фаланга», а затем та же участь постигла и «Гусли», продержавшиеся с 6 декабря 1881 года по 3 июля 1882-го.

Но Тхоржевский, уже заразившийся журналистикой, не сдаётся. И в начале 1890-х мы уже можем видеть его в Сололаки, в доме №2 по Сергиевской (ныне – Мачабели) улице, в редакторском кабинете. Он выпускает «Аргонавт» - сначала еженедельный иллюстрированный журнал

▲ Сергей Пальм

с ежедневной газетой и приложением, а затем только газету. Однако и это издание просуществовало недолго...

А время летит, и дети постепенно разлетаются из семейного гнезда... Нам трудно будет уследить за всеми, но двум сыновьям «Ивана-да-Марьи» на этой странице – самое место. И так, старший из них, унаследовавший имя отца, Иван Иванович. Оканчивает с отличием Тифлисскую гимназию и Петербургский университет. Его оставляют на юридическом факультете для подготовки к профессорскому званию, но научной работе он предпочитает практическую. И потом никогда не жалеет об этом. Еще бы, ведь он стал одним из ближайших сотрудников великих реформаторов – земляка-тифлисца Сергея Витте и Петра Столыпина. Он занял пост управляющего канцелярией Министерства

землеустройства и земледелия, был удостоен придворного звания старшего ранга «камергер». А литературный талант, с генами перешедший от родителей, использует не только на блестящие поэтические переводы. Камергер набирает материал для книги, которая будет издана уже после того, как он станет эмигрантом первой волны в Париже. Это «Последний Петербург», пятнадцать очерков об эпохе заката Российской империи. Настоящая, большая литература, насыщенная выразительными характеристиками ситуаций и образными портретами «верхушки».

За год до революции он уходит в отставку, отречение царя переносит тяжело, к Временному правительству относится скептически, большевиков ненавидит. И поэтому борется с ними и в Петербурге, и в Финляндии, а потом и в Кры-

му, куда он возвращается из Парижа, чтобы стать управляющим делами врангелевского Совета министров. На одном из последних парходов он окончательно отправляется в эмиграцию, и в Париже его литературный дар в полной мере предстает миру. Тхоржевский работает в газете «Возрождение» вместе с Вячеславом Ходасевичем и Ниной Берберовой, а главное, пишет стихи и очень много переводит с французского и английского. Литература, которая на родине была для него чем-то вроде хобби, становится источником существования. А главное, чем прославился человек, как и отец, ставший юристом-поэтом – переводы Омара Хайяма. И вот, что удивительно: именно этой работой белоэмигранта пользовались советские издательства, и у всех на слуху – рубаи в переводе Тхоржевского.

А еще он написал пронзительные строки, которые читали миллионы людей, приписывая их и Бунину, и

▲ Камергер Иван Тхоржевский

Гумилеву, и Анненскому, и Хафизу, и Хайяму. Лишь в конце прошлого века было доказано, что их автор – тифлисец Тхоржевский. Прочтите их, и у вас тоже захватит дух:

*Легкой жизни я просил у Бога:
Посмотри, как мрачно все кругом.
Бог ответил: подожди немного,
Ты еще попросишь о другом.
Вот уже кончается дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить...
Легкой жизни я просил у Бога,
Легкой смерти надо бы просить.*

Создатель это стихотворения и в страшном сне не мог предположить, насколько оно касается судьбы его младшего брата Сергея. Тот тоже уехал из родной Грузии учиться в Петербург, но стал историком. А, уж, людям этой профессии есть, с чем сравнивать происходящее вокруг... И член партии кадетов Сергей Иванович уже в советское время выдал следующее в чудом существовавшем «Вестнике партии Народной Свободы»: «Каковы люди – таков и общественный строй; русский социализм есть социализм рабства, нищеты и невежества. Это вполне реальная угроза, которой надо смотреть прямо в глаза». Эмигрировать он не хочет, живет преподаванием истории, а в научных исследованиях, чтобы понять историческую закономерность гражданской войны, обращается к временам Пугачева и Разина. И, в конце концов, в 1930-м попадает под первую волну арестов историков, далеких от марксизма. На первом же допросе Тхоржевский сообщает, что он не является сторонником диктатуры пролетариата и «критиковал отношение советской власти к интеллигенции и отсутствие свободы печати». В итоге – больше года в тюрьме во время следствия и 10 лет лагерей.

А лагеря – те самые, печально знаменитые, на Соловках и на строительстве ББК (Беломорско-Балтийского канала). Освобождается он досрочно, но в Ленинграде ему делать нечего – он уже изгнан из научных рядов и заклеен как «классовый враг на историческом фронте». И Сергей Иванович уезжает от греха подальше, работает экономистом в столице байкало-амурских лагерей, городе Свободном (более издевательского названия нельзя было подобрать). И о чем же мечтает он, вдали от всего, что ему дорого? «У меня сейчас есть одна мечта: когда-нибудь побывать на Кавказе, в родных, знакомых местах, посидеть на горе, где когда-то мы любовались игрой красок на небе при закате солн-

ца, посмотреть вниз на речку, прямоугольники разноцветных полей (желтой пшеницы, зеленой кукурузы), чередующихся с садами — и вдыхать при этом запах скошенного сена... Это сохранится и при социализме (ведь не везде будет пахнуть бензином и нефтью!); это даст силы жить и тогда, когда других удовольствий в жизни не будет».

Вернуться в Ленинград он решается лишь в ноябре 1940-го. На вокзале его встречает 13-летний сын, тоже Сергей, который сам через три года «загремит» на 6 лет в лагерь Воркуты. И они едут домой на извозчике, навстречу отсутствию работы и тщетным надеждам на публикации. А потом – война, блокада и страшная смерть Сергея-старшего от истощения в январе 1942 года. «Легкой смерти надо бы просить»... И еще строки – спустя годы посвященные ему сыном: «Снегом и сумраком укутанные крыши,/ медленная смерть в тяжелой тишине.../ Вечная благодарность тебе, остывшему,/ за искры жизни, оставленные мне». Ничего не скажешь, умели в семье Тхоржевских писать стихи...

В 1974 году Сергей-младший, уже ставший известным писателем, приезжает с семьей на родину отца, отмечавшего в анкетах: «говорю по-грузински». Встречается с помнящими Сергея Ивановича людьми, ходит по Тбилиси, приезжает в Самтависи, там ему показывают, где стоял дедовский дом. И там ему вспоминаются письма из семейного архива, связавшие это место с революцией 1905 года. В одном речь идет о том, как обнищавшие за зиму крестьяне умоляли взять их на работу «хоть и дешевле, но только пока; когда придет бунт, работать не будем, так решено». Кем и когда решено они не знали... Иван Феликсович велел «нанять их как можно больше». А Шура, одна из пяти дочерей юриста-поэта, писала тогда: «У них, промеж себя, идет разговор и об отнятии садов у «господ». Думаю все же, что в этой местности бояться нечего... Наш папа удивительно справляется со всякими вопросами, без гнева и лишнего пыла, с умом и юмором». А вот вторая половина «Ивана-да-Марьи» сообщает, как ее муж съездил в Самтависи: «Вид 4000 крестьян, с красным флагом ходящих по шоссе и увозящих всех с работ, мог сильно занять воображение. Они зашли и в наш сад и ... кланялись и говорили: мы против вас ничего не имеем, но рабочих должны увести – у всех уводим. Но двух, служащих помесечно, оставили».

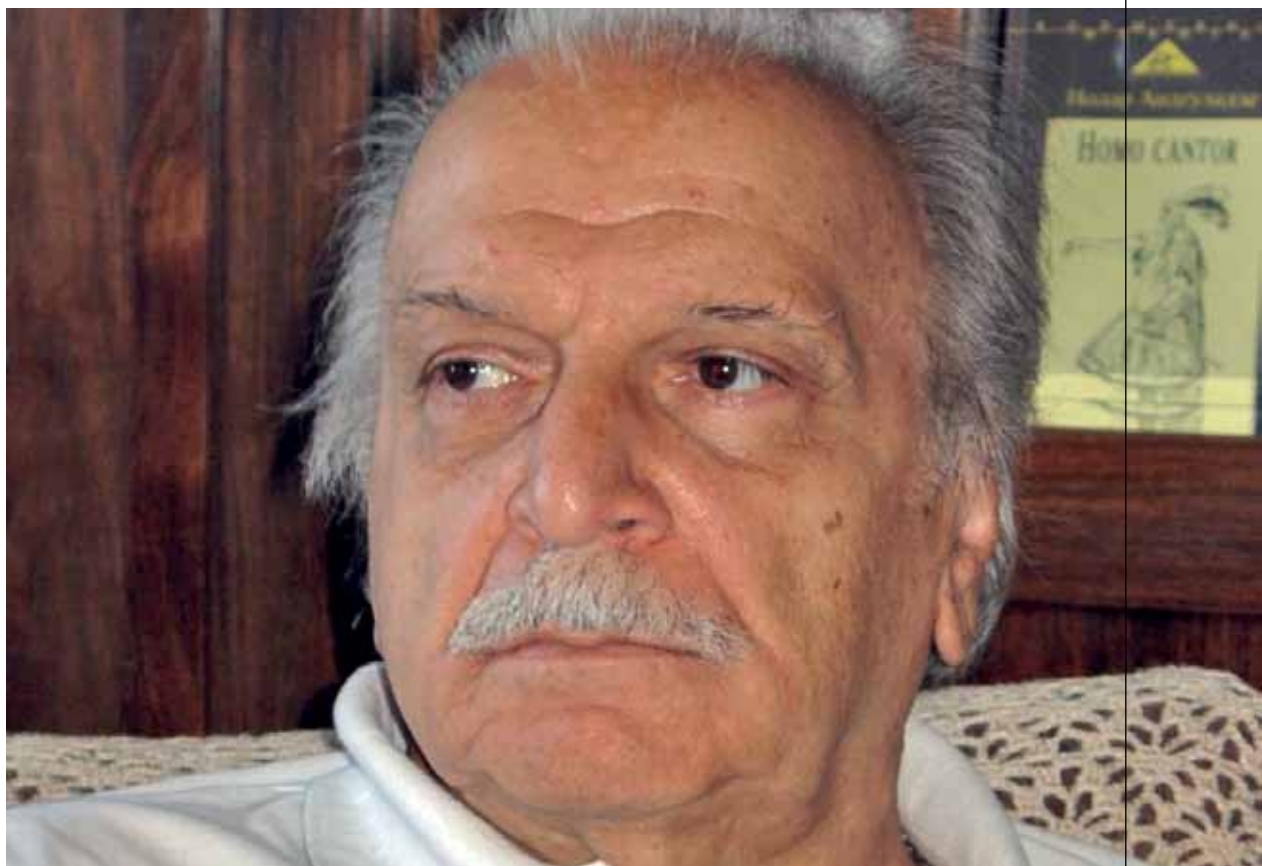
«Удивительное ощущение охватило меня, когда я стоял на месте исчезнувшего дома на высоком склоне холма и смотрел на зеленые кроны ореховых деревьев, на виноградники и старинную церковь вдали, - признавался Сергей Сергеевич. - Я проникся ощущением, что жизнь моего деда продолжается не только в его потомстве, но и в этих ореховых деревьях и во всем самтависском пейзаже, словно его душа и впрямь жива и витает где-то здесь...»

Ну, что ж, может, так оно и есть. Но некоторое ощущение досады все же не исчезает. Ведь Тхоржевские и Пальмы успели так много сделать в Тифлисе для развития театра и литературы, а подробностей об их жизни в этом городе сохранилось не так уж много. Ну, как тут не вспомнить строки Хайяма в переводе камергера Сергея Ивановича:

*«Не станет нас!» А Миру хоть бы что.
«Исчезнет след!» А Миру хоть бы что.
Нас не было, а он сиял, и будет!
Исчезнем – мы. А Миру хоть бы что!*

Ничего не поделаешь, время стирает многое. Но нам-то с вами, дорогие читатели, не «хоть бы что». Иначе бы мы не перелистывали эти страницы старого Тифлиса.

Владимир ГОЛОВИН

▲ Нодар Андгуладзе

НОМО САНТОР

С уходом Нодара Андгуладзе над Тбилиси опустился занавес «золотой эпохи» теноров XX века. Искусству этого певца рукоплескали Грузия и Россия, Германия и Италия, Канада и многие другие страны...

Ветвь Андгуладзе прославлена почти вековым служением вокальному искусству. Отец, Давид Андгуладзе, вписал свое имя в историю мирового искусства не только как выдающийся тенор, но и как замечательный педагог, один из основателей грузинской вокальной школы, чей талант огранил и взлелеял легендарный профессор Евгений Вронский. Мать, Варвара Мама-тавривили, выступавшая под псевдонимом Мравали – лучшая Этери своего времени, по признанию самого автора оперы «Абесалом и Этери» Захария Палиашвили. Роман Давида и Варвары начался в 1926 году, когда Сандро Ахметели изумил мир своей знаменитой постановкой оперы Р.Леонкавалло «Паяцы», на сцене оперной студии Тбилисской консерватории. Андгуладзе и Мравали исполняли заглавные партии Канио и Недды, но, в отличие от печального финала сценического действия, в жизни их роман завершился браком. И 13 декабря 1927 года у них родился сын Нодар.

Семья жила тогда на Мтацминда. Определить круг ее общения можно было бы одним словом – небожители. И среди этих небожителей музыкального, литературного, художественного, артистического мира Старого Тбилиси, прошли детские годы Нодара. Нельзя и вообразить более удобный «трамплин» для старта в большое искусство. Тем более что музыкальные и художественные способности Нодара Андгуладзе проявились очень рано, и тут же за одаренного ребенка «взялись»: по части вокала – Евгений Вронский, фортепиано – Евгения Чернявская, живописи – Серго Кобуладзе. Но судьба совершает невообразимый поворот. Окончив школу,

Нодар отказывается от столь заманчивого и хорошо подготовленного пути к покорению оперной сцены и поступает на филологический факультет ТГУ. Получает специальность филолога-кавказоведа и защищает кандидатскую диссертацию под руководством академика Арнольда Чикобава. В 1950-е годы ведет в университете на русском языке курсы «Введение в сравнительно-историческую грамматику иберийско-кавказских языков», «Общее языкознание» и «Грузинский язык» для студентов из автономных республик Северного Кавказа.

Казалось бы, все разложено по полочкам: филология – профессия, музыка – хобби. Нодар выступает в концертах студенческой художественной самодеятельности, ездит с университетским симфоническим оркестром на гастроли в Москву и Киев, где имеет ошеломительный успех. Но о карьере оперного профессионала и не помышляет. Хотя восхищенные киевляне предлагают молодому кандидату филологических наук стать солистом оперного театра столицы Украины, причем на ведущие теноровые партии. А по возвращении из Киева директор Тбилисского оперного театра Дмитрий Мчедлидзе и главный дирижер Одиссей Димитриади зачисляют Нодара Андгуладзе стажером.

И тут судьба совершает еще один неожиданный-негаданный вираж. «Выступая одним злополучным вечером, в партии Абесалома, отец опаздывал на сцену – прозевали дать ему положенный сигнал. Отец побежал, наткнулся на какие-то копыя, упал и сломал шейку бедра. Хирурги очень плохо повели лечение, и он чуть не погиб. Я похитил отца из больницы – буквально выкрал хирургические ножницы, разрезал гипс и увез его домой, что привело к долгому скандалу со всей тбилисской хирургической элитой. Но время было упущено, и

▲ Нодар Андгуладзе с родителями. Москва. 1933

восстановить двигательные функции отцу удалось лишь частично, потом он пел только в концертах, выходил на сцену, опираясь на палку. А ведь ему было всего 58 лет, и петь он мог еще долго. Вот тогда я решил занять его место на оперной сцене. Но я имел обязательства перед университетом и продолжал преподавать еще три года, будучи уже зачисленным в оперный театр... пожарным. Штатных единиц не было, а потребность в моих услугах была», - рассказывал Нодар Давидович автору этих строк незадолго до своего 80-летия.

Рождение профессионального оперного певца Нодара Андгуладзе состоялось в Тбилиси, в сезоне 1956-1957 годов (партии Хозе в «Кармен» Ж.Бизе и Каварадосси в «Тоске» Д.Пуччини). В это же время он удостоивается звания лауреата всесоюзных и международных фестивалей, вместе с еще одним «золотым голосом» Грузии – Зурабом Анджапаридзе. В марте 1958 года Андгуладзе участвует во второй Декаде грузинского искусства в Москве и на ее заключительном концерте предстает перед публикой с арией Туридду из «Сельской чести» Масканы. Этот образ он считал самым близким из воплощенных на сцене. Начинаются гастроли по России и за рубежом. 14 апреля 1960 года – дебют Н.Андгуладзе в Большом театре, также в партии Хозе. Работает он и над камерным репертуаром (Чайковский, Рахманинов, Гречанинов, Балакирев, Свиридов, Рихард Штраус, Шуман, Шуберт, Лист, Брамс...).

«После успеха в партии Хозе начались выезды за границу, и стало невозможным совмещать сценическую деятельность с преподавательской. Арнольд Чикобава был жестким человеком, но к моему решению отнесся с пониманием, сказал, что ничего не противопоставишь зову крови, - вспоминал певец. - Я был в составе первой группы молодых советских певцов, на два года направленных на стажировку в знаменитый миланский театр «Ла Скала». В Москве, когда его труппа давала спектакли в Большом, я познакомился и впоследствии подружился с Джанни Раймонди, чье имя гремело на мировой оперной сцене. Мы с ним и сейчас обмениваемся приветями через знакомых. А с другой представительницей плеяды великих – болгаркой Раиной Кабаиванска, певицей на панихиде Лучано Паваротти, - я переписываюсь до сих пор. Она – тоже из числа первых стажеров. Мне сразу же очень понравилась школа Раймонди, и я попросил руководство «Ла Скала» назначить его педагога нашим тенорам. Этим педагогом оказался прекрасный тенор Дженнаро Барра-Каррачоло. Будучи князем, он не имел права выходить на сцену под своей фамилией и взял сценический псевдоним Барра. Между прочим, поначалу он принял за тенора Муслима Магомаева, приехавшего позже на стажировку. И такое бывает с великими знатоками. И Барра, и его педагог, прима-тенор неаполитанской школы де Лючия сразу поняли, что мне знакомы кое-какие навыки итальянской

школы вокала – как-никак, со мной занимался отец. Я с детства понимал по-итальянски, а в то время уже и довольно бегло говорил, и было лестно услышать от артистического директора Сицилиани: «Этот грузин кое в чем разбирается». И он был приятно удивлен, когда я довольно витиевато поблагодарил его на итальянском».

Следует отметить, что Андгуладзе был внутренне готов к поездке в Милан – Мекку вокального искусства. Вся его предыдущая творческая активность была нацелена именно на такое стечение обстоятельств. Молодой вокалист уже имел поэтапную, последовательную подготовку, особенно в области певческого дыхания, которому Давид Андгуладзе придавал решающее значение на всех этапах профессионального становления. Овладел он и доведенным до совершенства его отцом приемом «прикрытия» переходных нот - тончайший способ, о котором маэстро Дженнаро Барра, прослушав певца, отозвался: «Для освоения такого прикрытия в Италии потребовалось бы не менее 7-8 лет».

Помимо плодотворного исполнительского и технического опыта, Н.Андгуладзе досконально изучил физиологию и акустику вокала. И все же требовалось проверить и обновить их, на практике ознакомившись в Италии с состоянием всех этих проблем и непосредственно общаясь с мастерами belcanto. Андгуладзе выработал концепцию общей теории вокального искусства, которая предстает как уровневая структура, построенная по иерархическому принципу: высший уровень – эстетический, затем – технический, составляющие собственно творчески-практическую сторону искусства, и подчиненные им обоим психологический и акустико-физиологический уровни. Подтверждением успешного решения поставленной задачи можно считать высказывание великого современного испанского тенора Альфредо Крауса, который, прослушав одного из самых успешных учеников Н.Андгуладзе – Нугзара Гамгбели сначала в записи, а затем при встрече, сказал: «Перенести Италию на Кавказ в географическом смысле невозможно, но итальянское бельканто, как певческая школа, очевидно, переместилось в Грузию».

Но вернемся в квартиру Нодара Давидовича в знаменитой артистической 11-этажке на площади Героев, под которой ныне пролегла гигантская анаконда эстакады.

- А как складывались ваши отношения с другими кумирами оперной публики? Марио дель Монако, например.

- С Марио мы подолгу гуляли по Милану. Скажу вам, что он, обладатель такого громадного звука, настолько бережно относился к своему голосу, что в обычной жизни разговаривал почти шепотом. Близко дружил я с прославленным басом Николаем Гяуровым, вечным достойным соперником Бориса Христова. Я открыл Гяурову вкус грузинского тклапи. И всякий раз, когда я привозил ему это лакомство, он радовался как ребенок.

- И все-таки, не Италия, а Германия стала главной зарубежной сценической ареной в вашей жизни.

- Я благодарен судьбе за то, что в 1968 году она свела меня с создателем театра «Комише опер» в Берлине, величайшим после Станиславского оперным режиссером Вальтером Фельзенштейном, который для нас с Цисаной Татишвили поставил «Аиду», спектакль, имевший грандиозный успех.

В телеграмме, посланной в Министерство культуры СССР, Фельзенштейн отмечал, что Н.Андгуладзе – такого класса драматический тенор, которого он не слышал в течение последних двадцати лет в Европе. В дальнейшем их взаимоотношения переросли в искреннюю дружбу, о чем свидетельствует посвящение Фельзенштейна на фотографии, подаренной Нодару: «Моему другу Нодару Андгуладзе, дружбы с которым я хотел бы быть достойным. В.Фельзенштейн. 1968 г.»

Деятельность Н.Андгуладзе как певца отмечена на-

градами и званиями, среди которых сам он, кроме премии З.Палиашвили, особо отличает золотую медаль и звание лауреата Фонда Ирины Константиновны Архиповой, в дипломе которого указано: «За развитие вокального искусства и педагогики в Грузии и России». А за исполнение сольной программы из произведений Чайковского он в 2000 году был удостоен Государственной премии Грузии.

- Наш разговор будет неполным, если мы упустим из виду вашу более чем успешную преподавательскую деятельность.

- Лиза Мартиросян сейчас блистает на лучших оперных сценах Европы в партиях опер Моцарта, Россини, Верди... Нугзар Гамгбели, взявший первый приз на конкурсе имени Ф. Виньяса в Барселоне еще в 1990 году, давно утвердился в Испании и тоже котируется весьма высоко. «Медовый» баритон Ладо Атanelи покорила мир по обе стороны океана.

Нодара Андгуладзе без сомнения можно назвать самым интеллектуальным вокалистом в истории оперного искусства. Талант артиста и исследователя гармонично слились в этом человеке. Доказательство тому – не только языковедческие труды, среди которых особо выделяется монография «К вопросу об историческом взаимоотношении классного и личного спряжения в иберийско-кавказских языках». Результаты своих творческих, артистических, исполнительских и педагогических поисков он подытожил в книге «Номо cantor» («Человек поющий»), изданной в Тбилиси и Москве. В аннотации к ней говорится: «Книга состоит из двух частей. В первой подробно рассмотрены вопросы теории и практики вокального искусства. Серьезная философско-гуманитарная подготовка автора позволяет ему вести разговор на высоком теоретическом уровне и одновременно касаться чисто практических вопросов, имеющих большое значение для становления любого певца как профессионала и художественной личности. Особое внимание уделено итальянской вокальной школе. Во второй части книги приведены статьи Н.Андгуладзе, посвященные отдельным спектаклям и мастерам вокала... В них читатель также найдет много интересного о важных вопросах культуры». Эта книга обрела международную

▼ Н.Андгуладзе – Малхаз («Даиси»)

▲ Д. и Н. Андгуладзе, З.Анджапаридзе, Е.Лазарева. 1958

популярность, за нее Нодару Давидовичу присуждена степень почетного доктора наук – doctor honoris causa. У книги высокий интернет-рейтинг, как «самой популярной книги по вокальному искусству».

«Поскольку мы коснулись и грузинских певцов, нельзя обойти молчанием тот факт, что мое поколение достигло определенных результатов в смысле гармонического синтеза профессионализма и природного дарования, красоты голоса и певческой техники. Этому, разумеется, способствовало множество объективных факторов нашей жизни, что и проявилось в значительных успехах, пришедших с первыми международными конкурсами и фестивалями, гастрольными турне, в которых участвовали Медея Амиранашвили, Ламара Чкония, Цисана Татишвили, Зураб Анджапаридзе и я. Доказательством всемирного признания грузинской вокальной школы является деятельность Маквалы Касрашвили, Зураба Соткилава, Пааты Бурчуладзе на мировых оперных сценах. Истоки этого успеха надо искать в стремлении к вышеупомянутой гармоничности», - отметил маэстро в одном из интервью последних лет.

Учредитель, председатель и член жюри многих самых престижных музыкальных конкурсов и смотров; организатор научных и творческих контактов Тбилисской консерватории с зарубежными консерваториями; оппонент и руководитель десятков кандидатских и докторских диссертаций по вокалу; один из основателей традиции передач о вокальном искусстве на грузинском телевидении и радио; основатель «Фонда вокальной культуры имени Д. Андгуладзе» - таков неполный перечень вклада Нодара Давидовича (помимо собственного творчества) в грузинское и мировое вокальное искусство и науку о певческом мастерстве.

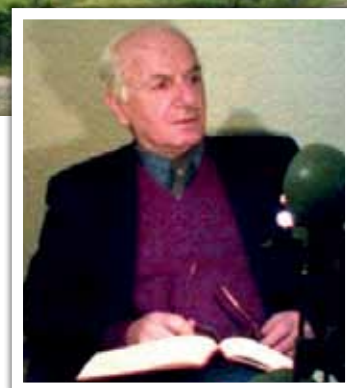
2 ноября 2009 года перед Тбилисским театром оперы и балета имени Захария Палиашвили открыли звезду Нодара Андгуладзе. 2 февраля 2013 года один из выдающихся теноров грузинской и мировой оперной сцены XX века был упокоен в Дидубийском Пантеоне писателей и общественных деятелей.

Владимир САРИШВИЛИ

▲ Монастырский комплекс Ананури

ЛЕТОПИСЕЦ ОТЕЧЕСТВА

▲ Гиви Цулая

Кавказ для России всегда был точкой особого притяжения, оставаясь при этом terra incognita. Краем настолько необычным и неизведанным, что всегда воспринимался некоей параллельной вселенной. Завеса над его тайнами стала приподниматься в XIX веке с появлением первых систематизированных описаний путешественников. С наступлением XX века исследований появлялось больше, но изучаемый материал начал буквально таять на глазах – разрушался традиционный быт народов. Кавказ вливался в ряды регионов, подверженных глобализации. Его описание стало уже не констатацией факта, а попыткой сохранения исчезающего мира.

Потому особый интерес представляет история Кавказа, в том числе, сохранившиеся древние письменные источники. Крупным знатоком Кавказа является наш соотечественник Гиви Цулая – известный ученый, специалист по истории, источниковедению, филологии, ономастике и этнографии, его перу принадлежит более 100 научных публикаций. Особую известность он приобрел переводами рукописных источников с древ-

негрузинского на русский язык. До сих пор все русскоязычные исследователи Кавказа ссылаются на его перевод свода древнегрузинских летописей «Картлис цховреба» («Житие Грузии»). И еще он занимался изучением грузинской средневековой агиографической литературы (т.е. жития святых). Можно сказать, он открыл грузинскую агиографию для русскоязычных читателей и ученых.

До Цулая древнегрузинские источники на русский почти не переводили – во всяком случае, за пределами Грузии. Средневековую историю Грузии и Кавказа в России (в том числе на Северном Кавказе) изучают по источникам в его переводах. Коллеги говорят, что он – как кремень, никогда не делал того, чего не хотел. Занимался только тем, чем сам интересовался – древней историей Грузии.

Гиви Цулая сам по себе необычайно интересная личность с неординарной биографией. Родом он из Сухуми, там же с отличием окончил педагогический институт. Преподавал историю в школе в Гали, потом в Новом Афоне работал экскурсоводом на турбазе. Тог-

да и начал читать научные труды сотрудников московского Института этнографии АН СССР. Твердо решил посвятить себя занятиям наукой. Своими учителями Цулая считает выдающихся ученых – Нико Марра, Иванэ Джавахишвили, Корнелия Кекелидзе – по их трудам он постигал основы науки.

Но аспирантуры в Сухуми не было. Он набрался смелости и отправился в Москву, где подал документы в аспирантуру Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Вступительные экзамены сдал на отлично.

В 1967-м, через год после окончания аспирантуры, он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Историческая интерпретация основных образов абхазского героического эпоса (Нарты и Абрскил)». После чего был принят на работу в Институт этнографии АН СССР, в сектор этнографии народов Кавказа. Его сотрудников и их научные работы он отлично знал еще со времен своей работы в Новом Афоне.

Сейчас он с юмором вспоминает, как в Институте этнографии ему была предложена первая научная тема – «о счастливой жизни грузинского колхозного крестьянства». Разумеется, то, что он мог написать – публиковать было нельзя, а сочинять то, что могли принять, он просто не стал. Взамен Цулая предложил тему, которая его давно интересовала, - изучение средневековых грузинских письменных источников. Так со

временем появились его переводы на русский язык «Жизнь картлийских царей» Леонтия Мровели, «Летопись Картли» и «Жизнь Вахтанга Горгасала» Джуаншера Джуаншеридзе, «Жамтаагмцерели», «Житие и деяния Иллариона Грузина», а также целый ряд агиографических сюжетов о святых и мучениках в истории Грузии.

В 1988 году Цулая защитил докторскую диссертацию: «Ранний цикл свода грузинских летописей «Картлис цховреба» (анализ этнокультурной проблематики)». Кстати, его оппонентом была мать Михаила Саакашвили – доктор исторических наук, специалист по средневековой культуре Грузии Гиули Аласания.

Диапазон научных интересов Гиви Цулая необычайно широк. В своих изысканиях он никогда не ограничивался одной темой или направлением. Знаток классической и современной философии и литературы, он обращался к лингвистике, этнокультурным аспектам, ономастическим сюжетам и историографии в кавказоведении. Размах натуры этого человека сказывается во всем. Энциклопедические знания и феноменальная память делают его необычайно интересным собеседником, а природный юмор скрашивает острые углы нашей непростой действительности. Да и его собственная жизнь не была усыпана розами. Большую часть ее он провел в Москве, но корни потянули его теперь в Грузию, и с прошлого года ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Гиви Цулая вместе с женой приехали в Тбилиси.

В пору противостояния Грузии и Абхазии, когда в 1992 году по недальновидности политиков разразилась война, искалечившая все близкое и любимое, Цулая не мог не откликнуться на это. Он прав, когда пишет: «И память – мой коварный друг». В 1995 году он выпустил серию очерков «Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии (домонгольский период)». В работе ясно показано, что абхазов и грузин на протяжении веков связывает общность истории. Для Гиви Васильевича это противостояние стало личной трагедией. Его грузинские родственники вынуждены были покинуть Абхазию, так что родного дома ему, наверное, нескоро удастся увидеть.

«И каждый век разводит свой Крутой пожар средневековья», - эти стихотворные строки – рубаи, наверное, не случайно пришли к Цулая именно в 1993 году, когда Сухуми был потерян. Нетрудно согласиться и с другой его мыслью: «В потоке мутном времени Теряюсь, как во сне...»

Увлечение поэзией Гиви Васильевич пронес через всю жизнь, начиная со школьных лет. О своих первых опытах стихосложения он со свойственной ему иронией пишет: «Стихи я писал еще едва ли не в детстве. Писал я их тогда очень много и очень плохо, хотя печатался я еще в школьные годы».

Этим авторским признанием открывается сборник его стихотворений «Квадратура сердца», выпущенный в Москве в 2005 году. Название очень точное – это погружение в бесконечное пространство сердца и ранимой человеческой души: «Одиночество, одиночество, Беспощадное, как пророчество... О, как к тоске моей глухи Слова, что собраны в стихи!..» В его стихах – отрешенность от быта и повседневности, будто скользкая «над» нашим неустроенным миром. «Сей мир – недобрых духов царство/ И пашня сеяния лжи;/ Плодоносящее коварство/ Цветет в предательской тиши».

Татьяна УРУСОВА

▲ Адольф Берже

НЕРУКОТВОРНЫЙ ПАМЯТНИК

В созвездии деятелей науки и культуры второй половины XIX века, чьи жизненные пути и призвания тесно переплелись с Кавказом, особое место принадлежит Адольфу Берже, филологу-востоковеду, историку, археологу, археографу, этнографу, автору научных трудов по истории Кавказа и его народов, истории и древностям Востока.

Берже родился 28 июля 1828 года в Петербурге. Он был вторым сыном французского дворянина Петра Берже, довольно большое состояние семьи через пару лет было потеряно в смуте Французской революции. Вихрь ее занес в Россию многих высокообразованных людей, которые служили гувернерами в аристократических семьях. В их числе был и Петр Берже. Широкая эрудиция, блестящее образование и талант педагога снискали ему всеобщее уважение. Его другом был служивший в Петербурге знаменитый Шарль де Сен-Жюльен – французский журналист и литератор, секретарь и библиотекарь графа И.Лавалля, преподаватель французской литературы в Петербургском университете. Пережитое и работа на износ привели к нервному срыву: Берже скончался в больнице для душевнобольных. Четырех сыновей его определили в Гатчинский сиротский институт. В автобиографической заметке Адольф Берже писал, что учился в частном пансионе Цапинтини, откуда в 1836 году поступил в реформаторскую школу. По ходатайству Марии д'Удето, супруги французского посланника барона Проспера де Баранта, его определили в Гатчинский сиротский институт при инспекторе классов Е.Гугеле – выдающемся педагоге, основоположнике российской системы дошкольного

воспитания. В 1851 году, после окончания восточного факультета Петербургского университета со степенью кандидата наук, он попросил графа С.Ланского, попечителя института, оказать содействие в осуществлении заветной мечты – совершить путешествие по азиатскому Востоку. Однако у Николая I были другие планы: «Берже не для чего ехать за границу, на восток, так как Россия имеет свой восток, - это Кавказ, пусть он туда и отправляется на службу».

Об этом эпизоде из жизни Адольфа Петровича рассказал его близкий друг М.Семевский – историк, журналист, общественный деятель, основатель и редактор журнала «Русская старина».

Таким образом, Кавказ с легкой руки российского императора получил выдающегося ученого, для которого изучение Кавказа стало делом жизни. Берже был определен на службу в канцелярию наместника кавказского М.С. Воронцова сверхштатным чиновником с чином коллежского секретаря. Здесь он занимался научной деятельностью, редактировал «Кавказский календарь», «Записки Общества любителей кавказской археологии», написал очерк для девятого тома «Живописной России». Был также инспектором мусульманских школ, директором Тифлисской публичной библиотеки, председателем Кавказской археографической комиссии.

Заброшенный волею судьбы на Кавказ, Берже душой и сердцем полюбил этот край. Научная деятельность на Кавказе началась со сбора материала для сравнительного словаря кавказских наречий. Эту работу ему поручили в Кавказском отделе Император-

ского русского географического общества (КОИРГО), действительным членом которого он стал 18 ноября 1852 года. В начале 1856 года он составил и разослал в разные районы Кавказа список русских слов для перевода на местные языки и наречия. Одновременно просил дать описание основных грамматических правил языка, географического положения местности, занимаемой этносом, быта народа, собрать пословицы и поговорки. С марта 1860 года работу по составлению сравнительного словаря продолжила специальная комиссия при КОИРГО. С 1854 года Берже – библиотекарь КОИРГО, с 1855 года на него дополнительно возложили обязанности секретаря дирекции Кавказского музея при КОИРГО. В ноябре 1856 года Берже составил «Общий каталог имущества музея Кавказского отдела Русского географического общества», который состоял из этнографического, естественного и исторического кабинетов. С 20 октября 1856 по 23 марта 1860 года Берже исполнял обязанности правителя дел, библиотекаря и секретаря музея КОИРГО.

Что касается мечты Берже о путешествии на Восток, то М.С. Воронцов помог осуществить ее, направив Адольфа Петровича в Персию. Путешествие длилось с апреля 1853-го по февраль 1855 года. Он был также в составе делегации, которая была уполномочена известить шаха о восшествии на престол императора Александра II. Свои впечатления изложил в книге «Отрывки из путешествия в Персию» (Тифлис, 1854), а в «Кавказском календаре на 1856 г.» опубликовал статью «О народных праздниках, постах и замечательных днях у мусульман-шиитов вообще и у персиян в осо-

бенности». Кроме того, в Лейпциге он издал словарь для переводчиков персидских официальных бумаг, а также сборник азербайджанской поэзии.

Летом 1857 года А.И. Барятинский, наместник на Кавказе (1856-1862), назначил Берже директором Тифлисской публичной библиотеки. С 1859 года он совмещал эту должность с должностью чиновника особых поручений. Подготовил к печати «Краткий каталог Тифлисской публичной библиотеки (1846-1861)», где поместил статью «Тифлисская публичная библиотека, ее основание и настоящее устройство». В библиотеке основал раздел коллекций снимков архитектурных памятников Кавказа. Обосновывая это решение, Берже писал: «Всему ученому миру известно, как богат здешний край историческими руинами. Во многих местностях они встречаются десятками и даже в большом количестве. Между тем, приходя год от году в разрушение, они сглаживались, бесследно пропадая для науки, которая через них могла бы не только разъяснить многие белые пятна местной истории, но и восстановить такие, которые могли бы ускользнуть от внимания летописцев и потому остаются неизвестными науке.

▲ Густав Радде

Это соображение побудило меня положить основание коллекции снимков со здешних руин, пожертвовав в библиотеку три превосходные модели, сделанные для меня бывшим эриванским губернским архитектором, надворным советником Я.А. Науменко».

Анализ книжного состава библиотеки позволил Берже приступить к составлению списка трудов о Кавказе, приобретение которых позволило бы превратить ее в наиболее полное хранилище материалов о Кавказе. Одновременно он попросил ученых-кавказоведов Г.И. Радде, Г.В. Абиха, И.И. Стебницкого составить библиографический список публикаций, имеющих первостепенное значение для научного исследования Кавказа. Этими списками руководствовался Берже, когда в августе 1864 года при новом наместнике великом князе Михаиле Николаевиче отправился в Санкт-Петербург и Европу для покупки книг для Тифлисской публичной библиотеки, при этом отдавая предпочтение изданиям о Кавказе и сопредельных странах Персии и Турции. Кроме того, он приобрел наиболее известные новейшие издания. Отдел русской беллетристики значительно пополнился сочинениями русских писателей, а имеющиеся в библиотеке издания были дополнены недостающими. Берже считал, что развиваясь как книгохранилище источников сведений о Кавказе, Тифлисская публичная библиотека получает неоспоримое преимущество перед другими учреждениями этого рода. Он ратовал за сбор и периодическую публикацию сведений о всех имеющихся в крае коллекциях рукописей, а также за развитие интереса к чтению.

После окончания Кавказской войны в архиве Главного управления наместника кавказского накопилось множество неразобранных дел. Начальник гражданского управления А.П. Николаи поставил вопрос об основании Кавказской археографической комиссии, чтобы извлечь из дел и архива документы исторического значения; составил проект устава, который был одобрен и подписан наместником: «Вполне сочувствуя этому полезному учреждению и одобряю этот проект».

В апреле 1864 года председателем археографической комиссии был назначен и оставался им Берже. Адольф Петрович, исходя из объема предстоящей работы, обратился к наместнику с просьбой об освобождении от должности директора библиотеки.

«Призванный Вашим превосходительством к новой деятельности, более сложной и трудной, я бы поступил самонадеянно, если бы вздумал удержаться за собой дальнейшее заведование библиотекой. А потому, не рассчитывая на необходимый для сего досуг, я вынужден просить Ваше превосходительство освободить меня от заведования библиотекой, поручить эту должность лицу, менее меня обремененному служебными занятиями, которое поэтому располагало бы большей возможностью посвятить себя на пользу библиотеки».

Берже оставили директором библиотеки, а в помощники ему определили губернского секретаря Кепена. К 1866 году книжный фонд насчитывал 6 256 наименований в 13 610 томах, что обусловило издание «Продолжения краткого каталога Тифлисской публичной библиотеки (1861-1865 гг.)».

К двадцатилетию своего основания Тифлисская публичная библиотека по составу фондов и значению занимала едва ли не самое почетное место в Азии. Берже писал: «Находясь в преддверии таинственного Востока, была верным путеводителем для тружеников, ищущих ближайшего с ним знакомства, и обильным источником познания для пытливого ума».

Во многом благодаря Берже в 1870 году в Мцхета (Самтаврский могильник) были проведены археологические раскопки, давшие богатые результаты. С этого момента по инициативе наместника создается комитет для разработки плана археологических раскопок по всему Кавказу и проекта Археологического общества, в задачи которого входило бы не только изучение, но и охрана памятников. Активным участником этого комитета был Берже. В 1873 году на открытии «Общества любителей кавказской археологии» он выступил с программной речью и определил главные направления развития археологии на Кавказе, включив в это понятие не только собственно раскопки, но и сбор памятников фольклора, письменных источников, изучение эпиграфики и языков.

Преобразование Главного управления наместника кавказского в 1868 году коснулось и библиотеки. При активной поддержке А.Берже библиотека и музей были объединены в одно управление. Директором обоих учреждений был назначен Густав Иванович Радде, в судьбе которого Берже сыграл роль спасителя.

По его совету Радде представил барону Николаи подробный план биолого-географического исследования Кавказа, тот в свою очередь – наместнику. Через месяц Берже подготовил в руководящих сферах почву для возрождения Кавказского музея при КОИРГО как самостоятельного учреждения. Берже помогал Радде во всем, деля с ним и горе, и радость. К.Ган, директор тифлисской гимназии и переводчик трудов о Кавказе, вспоминал: «Берже был на два года старше Радде и имел на него сильное влияние... Берже был действительно умен и обладал открытым честным характером... Оба приятеля очень любили друг друга. Берже радовался искренно и без всякой зависти тому, что научная слава его протеежке постепенно росла, заставляя меркнуть его собственную».

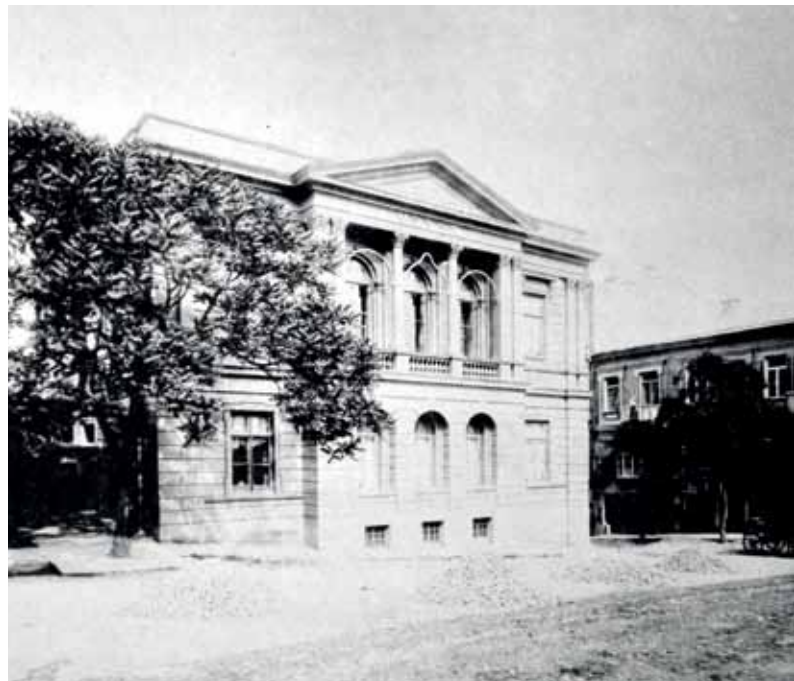
Своему фундаментальному многотомному труду «Актам Кавказской археографической комиссии» Берже посвятил двадцать два года жизни. В 1885 году под

его редакцией вышел последний, 10-й том; 11-й том, хотя и был почти полностью подготовлен Берже, вышел уже под редакцией Д.Кобякова. Последний, 12-й том был издан в 1904 году. Каждый из томов включает в себя ценные документы и источники по истории Кавказа. «Акты Кавказской археографической комиссии» печатались в 250 экземплярах. Каждый том имеет предисловие редактора и заканчивается указателем личных и географических имен; кроме того, начиная с шестого тома, к каждому тому прилагался биографический словарь кавказских деятелей. При взгляде на каждый из этих объемистых томов поражает масштабности работы, сколько усилий надо было предпринять, чтобы выпустить том, вмещающий целую эпоху! Вот как М.Семевский оценивал главный труд Берже: «Выбор актов сделан замечательно хорошо; здесь действительно приведены самые существенные документы, имеющие значение для истории Кавказа... редактор Актов ограничился ссылкой на них вполне обстоятельно; повторяем, все документы, помещенные в собрании актов. Тщательность издания и изящество его выполнения, прямо сказать, необыкновенные. Надо и то заметить, что высшее начальство Кавказа, постоянно, в течение более двадцати лет, оказывало самое полное содействие уважаемому исследователю; оно предоставило ему обширные материальные средства для издания и для выполнения его с полнейшей роскошью и, вместе с тем, - и это самое важное, - оказало А.П. Берже полное доверие, освободив все редактируемое им собрание актов от какого-либо цензурного просмотра... «Акты Кавказской археографической комиссии», - комиссии, кстати заметить, заключавшейся почти в едином ее председателе, Берже, - навсегда останутся не только самым главным и неиссякаемым источником сведений для истории Кавказа, но положительным об-

▼ Памятник А.Берже в Тифлисе

разцом для подобного рода изданий. ...К обязанностям редактора он относился с такой добросовестностью, что на время печатания нового тома актов он весь, так сказать, уходил в свой труд, забывал все и всех и почти не оставлял своего кабинета до тех пор, пока не подписывал к печати последнего листа громаднейшего тома своего издания». Другие свои научные труды он писал в промежутке между окончанием работы над одним томом и обращением к труду над другим. 20 января 1886 года Берже сообщал М.Семевскому, что произведен в тайные советники и делился с ним планами:

▲ Здание Кавказского музея в Тифлисе

«Принялся за последний том, а также за воспоминания о Кавказе и Персии. Работы предстоит много – но я не страшусь...»

К сожалению, этим планам не суждено было осуществиться. А.Берже скоропостижно скончался в Тифлисе 31 января 1886 года от кровоизлияния, 3 февраля его провожали в последний путь. Чествуя Берже, друзья и коллеги отмечали, что как человек он был идеально честен, как человек науки и дела он был неутомимый труженик». Дмитрий Аркадьевич Кобяков, сотрудник Берже по работе над изданием «Актов кавказской археографической комиссии», писал: «Бедняком он прибыл на Кавказ, бедняком и оставил земную юдоль... Друг всех, он не был другом самого себя и часто отказывался от того, что принадлежало ему по праву, в пользу других. И все это он совершал скромно, не хвалясь, а, наоборот, скрывая». К.Ган вспоминал: «Берже был из тех редких людей, которые забывают все материальные выгоды и живут только для науки и общего блага».

В начале февраля 1888 года, в садике при Кавказском музее был торжественно открыт памятник А.Берже – великолепно выполненный, отлитый из бронзы, сооруженный на добровольные пожертвования. Памятник, к сожалению, не сохранился, но ученый своим творчеством сам поставил себе при жизни нерукотворный памятник – «Акты Кавказской археографической комиссии», увековечивший его имя.

Нинель МЕЛКАДЗЕ

▲ Сергей Зонн

СЛОВО О УЧИТЕЛЕ

Родителей не выбирают, видимо, также и учителей. Принято ценить учителя безотносительно того, какой был он на самом деле.

Мне исключительно повезло. Судьба свела меня с Учителем. Не только профессионалом самого высокого уровня, но учителем жизни, взаимоотношений, норм поведения, простых и в то же время исключительно ценных и важных понятий – порядочности, терпимости, скромности, принципиальности, толерантности, справедливости и многих-многих других непреложных ценностей.

Моим учителем был известный ученый – почвовед, географ, лесовод профессор Сергей Владимирович Зонн. Он прожил большую, трудную и счастливую жизнь. Последнее может показаться диссонансом, если вспомнить события прошедшего XX века. Сергей Владимирович обладал особой трудоспособностью и одновременно внутренней собранностью. Именно поэтому он был блестящим организатором, умевшим привлекать людей, давать им четкие задания, способствовать их свободному полету, помогать им в решении

научных проблем. Окончив «академию» Зонна, молодые почвоведы становились его коллегами, за успехами их он следил внимательно и заинтересованно. И вот что замечательно: все ученики сохраняли с ним добрые отношения всю жизнь. У него не было, как это бывает, конфликтов с учениками, хотя он был требовательным учителем, справедливым и уважительным по отношению к молодым.

Как научный руководитель проявил себя во многих областях жизни. Он участвовал в выборе мест для таких научных стационаров, как Теллерман, Джаныбек и Деркуль, возглавлял множество экспедиций, организовал лабораторию лесного почвоведения в Институте леса АН, кафедре почвоведения в Университете дружбы народов и др.

Более сорока лет С.Зонн работал в редакции журнала «Почвоведение», который был основан в конце XIX века и был первым академическим журналом России, а затем Советского Союза, был и остается высоко-рейтинговым журналом, переводится и издается на английском языке за рубежом. Сергей Владимирович прочитывал каждый номер перед его выпуском в свет. Даже в последние годы работы заместителем редактора, почти потеряв зрение, с лупой прочитывал все статьи журнала.

С.Зонн объездил почти весь мир, был почти на всех материках (кроме Австралии и Антарктиды), видел все почвы Земли. Во многих странах он был первым почвоведом, увидевшим неизвестный в Советском Союзе мир почв. Грузию он особо любил. Каждый год приезжал, работал с учениками, выступал с докладами, работал в поле, общался с коллегами. Почти каждый год отдыхал в Малтакве, возле Поти.

Богатство впечатлений, умение смотреть и видеть, позволили ученому достичь выдающихся успехов в почвоведении. Он создал теорию почвообразования в лесах, включая формирование структуры почвенного покрова, выделил новые почвы, разработал теорию образования целого ряда почв, выявил особую экологическую значимость почв, доказал своеобразие формирования почвенного покрова в горах.

Вместе с сыном Игорем, известным ученым-мелиоратором и общественным деятелем, одним из первых поднял вопрос об экологических последствиях войн. В книге «Природа и общество Чеченской Республики» рассматривается взаимодействие природы и общества в Чеченской Республике в историческом разрезе, начиная с Кавказской войны 1817-1864 гг. до наших дней. Особое внимание уделено географическим аспектам формирования чеченского этноса и его истории развития. Предлагаемая работа имеет длительную и богатую коренными переломами в жизни общества историю и отражает его взаимосвязи с природой. Сергей Владимирович был не только уроженцем Северного Кавказа, но и воспитанником чеченского общества, т.к. среднее образование и общение с чеченцами начал с 1914 года. Окончив среднюю школу и получив высшее образование во владикавказском Горском сельскохозяйственном институте, он около пятой части своей

научной деятельности посвятил Чечне, где последний раз был в 1982 году. Первая работа по природе Чечни относится к 1929 году, а одна из последних – по экологическим последствиям военных действий к 1997-му. В начале 80-х годов С.Зонн взял меня с собой в экспедицию на Северный Кавказ, познакомил со многими местными жителями. Я сохраняю его особую любовь и уважение к этому замечательному уголку Кавказа, его природе и людям.

В учебнике «Введение в изучение почв субтропиков и тропиков» обобщены обширные исследования автора, в том числе по субтропикам Грузии.

Сергей Владимирович был непревзойденным историком науки. В капитальной работе по истории почвоведения он сумел осветить поучительную, иногда трагичную историю развития почвоведения в России и Советском Союзе.

С.Зонн внес особый вклад в космический этап изучения географии почвенных ресурсов. Трудности, связанные с внедрением этого направления в науку, он справедливо объяснял консерватизмом и, как следствие, недоверием к новым методам исследования, техническими трудностями, возникающими при освоении и применении новых методов и организационных затруднений, наконец, недостатком кадров исполнителей и пропагандистов этих методов.

С.Зонн был автором более 300 статей и 30 книг.

Почти ровесник века Сергей Владимирович прошел с ним от начала до конца, испытав все бури и грозы этого сложного, а иногда страшного периода (1937 год, блокада Ленинграда, разгул «лысенковщины» и многие другие), но сумел остаться самим собой, вынести все удары.

«Я благодарен судьбе, подарившей мне столь долгую и насыщенную научными исканиями и свершениями жизнь...» Так начиналась статья «Долгий и трудный путь в науке» Сергея Владимировича, опубликованная в 1996 году в журнале «Почвоведение» в связи с его 90-летием.

Никто из почвоведов Советского Союза не может сравниться с ним по количеству подготовленных кандидатов и докторов наук. Сергей Владимирович очень любил своих учеников, и они отвечали ему тем же. Однако он никогда не хвалил в лицо, был требователен и доброжелателен. Любил подтрунивать, однако и сам с улыбкой воспринимал юмор в свой адрес. Примером такого отношения к своим ученикам могут служить письма С.Зонна ко мне.

В 1964 году по рекомендации известного почвоведда Грузии член-корреспондента АН Грузии, профессора Михаила Константиновича Дараселия, Сергей Владимирович принял меня, только что окончившего факультет лесного хозяйства Грузинского сельскохозяйственного института. Это была знаменательная, поистине судьбоносная встреча и начало почти 40-летнего ученичества и сотрудничества. Моя мечта работать с Сергеем Владимировичем Зонном, наконец, осуществилась. За эти годы много всякого было в работе – радостного, поучительного. Сергей Владимирович относился ко мне с большой теплотой, но никогда не хвалил меня. И вот спустя после кончины нашего выдающегося лесовода, основателя горного лесоводства академика Василия Захарьевича Гулисашвили в его архиве было обнаружено датированное 16 февраля 1965 года письмо.

«Дорогой Василий Захарьевич!

Сегодня получил Ваше письмо и спешу Вам отве-

тить, особенно потому, чтобы сообщить свой новый номер телефона в надежде, что Вы по приезду позвоните и зайдете ко мне. Я бы рад был видеть Вас, как и моя жена, вместе с Ольгой Владимировной (супруга Василия Захарьевича – Г.У.).

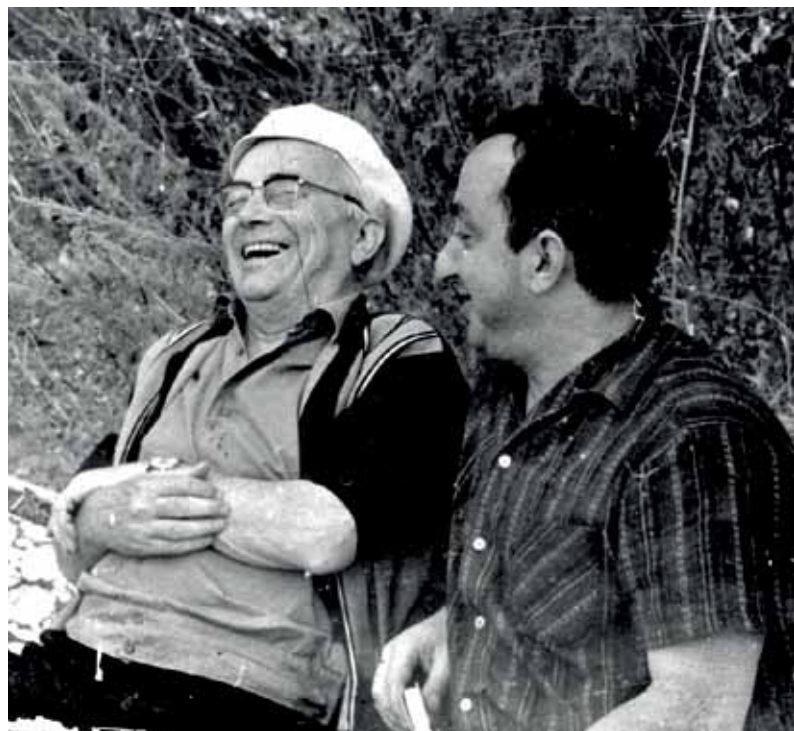
Книга («Основы биогеоценологии») вышла, как долго мы ее ждали. Внешне оформлена она отлично, ну, а о содержании ее судить не нам, а читателям и критикам. Ваш отзыв о ней, для нас будет ценен, особенно, так как Вы ведущий наш лесовод.

... Радует меня Ваш аспирант грузинский, Гизо. Он, несомненно, талантлив и его следовало бы Вам перетянуть к себе. Он ищет нового и очень работоспособный...

Ваш С.Зонн».

В начале 80-х годов он же пишет Василию Захарьевичу:

«Для меня было полной неожиданностью то, что я увидел на Абхазской ЛОС (Очамчири). Это, несомненно, одно из самых выдающихся Ваших учреждений. Его нужно рекламировать и обязательно включить в показ конгрессу, о чем я бы просил Вас сообщить М.К. Дараселия.

▲ Сергей Зонн и Гизо Урушадзе

Весьма интересны опыты и посадки, которые заслуживают самого пристального изучения. Нужно бы было и Гизо заставить развивать там стационарные исследования. Это дело биогеоценологической лаборатории, тем более, что на станции есть один сотрудник, жаждущий работы и руководства. Если Вы не будете возражать, я смогу помочь в руководстве.

О Гизо. Он, несомненно, деятелен, но разбрасывается. Пусть сосредоточит внимание на диссертации («Горно-лесные почвы Грузии»).

В общем, поездка меня немного освежила, за что благодарю и Вас».

Сергей Владимирович был трогательно внимателен к своим друзьям.

▲ На юбилейном заседании журнала «Почвоведение» (100 лет). МГУ. Москва. 1999

«Я очень бы просил тебя в день рождения Михаила Константиновича (ему исполняется 90 лет) передать ему от меня букет цветов».

В 1973 году цикл моих работ по изучению лесных почв республики был представлен на соискание премии Ленинского комсомола Грузии. Сергей Владимирович воспринял эту новость с определенной долей сарказма, хотя в ходе рассмотрения работ оказал максимальную поддержку.

9 октября 1973 г.

«Сегодня утром открыл газету и узнал новость – потрясающую, что ты претендуешь на премию им. Ленинского комсомола. Время такое, если сам не вырвешь, то другой тебе не даст. Ты – продукт современности.

Далее, к концу дня, узнал, что твои труды в виде цикла статей поступили на отзыв И.П. Герасимову (академик Герасимов был директором Института географии). Поздравляю с очередным успехом, желаю дальнейших удач».

19 октября 1973 г.

«Посылаю тебе копию крайне положительного отзыва И.П. Герасимова, который 19 октября был отправлен от Института географии в ЦК комсомола...»

29 октября 1973 г.

«Получил твоё письмо и был очень рад этому.

Посылаю тебе перевод одной маленькой статьи, о которой ты, конечно, ничего не знаешь. Вот найди её и посмотри. Она может помочь тебе с желто-бурыми почвами. Анализы делай, статью напишем.

Теперь о нашем совместном руководстве по изучению почв. Написано заново 20 стр., подготовил материалы к 30-40 стр. Думаю, что до Нового года обязательно закончу. Есть много новых мыслей.

В общем, все в этом руководстве я пишу заново. Трудно потому, что нет тебя под рукой. Надеюсь, что ты скоро появишься в Москве, хорошо бы и тогда поскорее бы закончили».

20 декабря 1974 г.

«Посылаю тебе все, что необходимо для нашей рукописи.

Работы, в общем, много. Всего нужно добиваться и с большим трудом, а это уже надоедает.

Приехать к вам очень хочу, чтобы хотя бы немного развеяться. О выезде сообщу».

В 1974 году я попросил Сергея Владимировича выступить с совместным докладом на очередном всесоюзном съезде географов.

26 декабря 1974 г.

«... Теперь о твоей просьбе. В принципе я не против, но боюсь, что это вызовет нарекания в Грузии, т.к. я значусь в двух докладах – с Герасимовым и затем по спутниковой географии.

От дел я всех устал непомерно.

Ну, теперь о докладе, написать я не в состоянии. Напиши в свете того, что говорилось в нашей книжке, и затем покажи, что вертикальную зональность нельзя принимать за единственный путь характеристики почвенного покрова. Покажи, как она меняется в зависимости от пород, геоморфологии и растительности, что растительность не всегда отражает почвы.

Держай! И пришли, я посмотрю и подправлю...»

Доклад был написан и включен в повестку дня пленарного заседания на открытии съезда. Совместный доклад, зачитанный мною, вызвал большой интерес среди участников.

28 марта 1976 г.

«Письмами не балуешь и пишешь очень скудно.

Я уже решил, что с учебником дела не выйдут, но ты что-то опять «подливаешь масла в огонь». А как рукопись по биогеоценозам? Ты же её собирался прислать?..»

В сентябре 1976 года скоропостижно скончалась супруга Сергея Владимировича – Валентина Келлерман – милый и мудрый человек, душа и оплот семьи, замечательный друг и соратник. Валентина Владимировна была известным ученым в области химии почв. Сергей Владимирович тяжело переживал неожиданную кончину своей супруги.

6 февраля 1977 г.

«Дома пока все по-старому. Приближается весна,

дача – где теперь придется быть одному с воспоминаниями о прошлом. До сих пор получаю самые сердечные воспоминания-соболезнования о жене...»

7 мая 1977 г.

«... Я с каждым днем все больше и больше ощущаю тот надлом, ту перемену, которая произошла неожиданно. Первые дни были как-то менее ощутимы из-за неверия в происшедшее, а теперь все это все больше и больше наступает. Давит невосполнимое одиночество и никчемность жизни...»

13 июня 1978 г.

«Здравствуй Гизо!

Получил твое письмо, а ранее информацию от некоторых лиц, которые побывали на твоём совещании.

▲ Участники конференции. Кахетия. 2000

В общем, твоё совещание – это прелюдия к защите и соответствующая обработка нужных лиц. Что ж, это современно. Желаю удачи.

Сейчас еду в Элисту, на совещание по космосу от Президиума АН. Вероятно дня на три, а затем засяду в одиночестве на месяц на даче».

В 1978 году я закончил работу над докторской диссертацией.

«Ты меня прямо терроризируешь! Все тебе нужно быстрее и быстрее, а я ведь не имею той работоспособности, какая была. Кроме того, у меня наступила какая-то депрессия, вероятно, обусловленная погодой. Холод, дожди заливают на даче.

Я все же перелистал твой опус. Замечания есть – карандашом на отдельных страницах».

16 апреля 1979 г.

«Ты хочешь добиться невозможного. А оно заключается в том, что ты хочешь, чтобы не было «неприятелей», а этого добиться нельзя – это несбыточная мечта. Поэтому ты всегда должен помнить, что у ярких людей всегда больше недругов, чем друзей. Это всегда было, есть и будет, а особенно у тебя, т.к. ты связан как-то со мной. Неужели ты думаешь, что ты всех перетянешь на свою сторону.

Должен быть риск, а если нет, то и может ничего не выйти. В общем, тебе нужно как можно скорее сделать то, что ты сможешь. Ты не можешь «выжимать» из себя бесконечно и можешь скорее ухудшать, чем

улучшать работу. Ты хочешь всем быть хорошим и правозерным, а это может привести к потере «своего» вклада.

Вот таков мой совет...»

В 1980 году я защитил на заседании специализированного совета факультета почвоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова докторскую диссертацию. В феврале 1981 года ВАК утвердила меня в ученой степени доктора биологических наук.

19 февраля 1981 года

«Поздравляю тебя – ты добился своего, получил высокое звание, но оправдать его еще тяжелее, чем получить. Я имею в виду оправдание высокими и интересными, и важными исследованиями. Все это тебе нужно знать.

Конечно, ты доктор и пожинать лавры легче, чем создавать новое и двигать вперед нашу науку. Однако нужно ли такое движение, в наше время остается неясным. Но все же двигаться вперед надо, иначе мы совсем будем опаздывать во всем».

С.Зонн внес большой вклад в подготовку научных кадров в Грузии. Под его руководством было подготовлено три доктора и 10 кандидатов наук. Он часто приезжал в Грузию. Его здесь очень любили. Он это чувствовал и отвечал тем же.

▲ Во время полевой экскурсии

В связи с 90-летием ученого поздравительное письмо ему направил Президент Грузии Эдуард Амвросьевич Шеварднадзе.

«Уважаемый Сергей Владимирович,

Примите мои поздравления в связи с 90-летием со дня рождения и 65-летним юбилеем плодотворной научной, педагогической и общественной деятельности.

Научная общественность Грузии высоко ценит Ваше сотрудничество с грузинскими учеными и личный большой вклад в подготовку национальных кадров.

С признательностью Э.Шеварднадзе.

08.04.1996 г.»

Через несколько дней получаю письмо от Сергея

▲ Одна из последних фотографий

Владимировича.

23 апреля 1996 г.

«Твое письмо и поздравление Шеварднадзе я получил. Большое спасибо...»

Особое отношение к Грузии, нашим соотечественникам во многом было обусловлено тем, что с Сергеем Владимировичем общались весьма интересные личности. И не только из мира науки, как академики В.Гулисашвили и М.Дараселия.

В этом аспекте мне хочется сказать несколько слов об обыкновенных и в то же время необыкновенных жителях нашего города – Арсене Бабаяне и его супруге Сиран Тер-Петросян. В конце 60-х годов их дочь обаятельная Иветта стала невесткой семьи Сергея Владимировича. Иветта была единственной дочерью и смириться с тем, что она выходит замуж далеко от родного дома было не так просто.

Сын Сергея Владимировича, Игорь Сергеевич, и Иветта познакомились в Алжире.

Мне об этом стало известно задолго до их венчания.

Как то вечером, за ужином дочь Сергея Владимировича и Валентины Владимировны, Марина говорит:

- Мы сегодня получили открытку из Алжира.

- Давай, давай. Что там пишут?

«Дорогие мои, в настоящее время наша экспедиция работает в пустыне Сахара. Здесь очень интересно, но крайне жарко. Поэтому работаем рано утром с 6 до 10 часов и вечером, после 7 часов. В радиусе около 150 километров никого нет. Наша группа малочисленная. Нас всего трое. Я, водитель, он же наш проводник, и переводчица, специалист французского языка. Кстати, она из Тбилиси и знает Гизо».

Речь шла об Иветте. Все повернулись ко мне.

- Что я могу сказать? В знойной Сахаре, где в радиусе 150 километров никого нет, и где работают рано утром и поздно вечером, среди трех человек – двое

знают меня. А вы представляете, что творится в крупных европейских городах.

Все дружно расхохотались.

О родителях Иветты мне хочется многое рассказать, но приведу только один пример.

- Гизо, ты собираешься в Москву. Мне хотелось бы с тобой отправить семье Зоннов несколько бутылок коньяка. Ты сможешь взять?

- Что за вопрос? Дорогой дядя Арсен, давайте бутылки.

- Не сейчас. Только через пару дней.

Ответ меня несколько удивил, но через несколько дней я все понял.

Дядя Арсен специально съездил в Ереван и привез оттуда несколько бутылок отменного армянского коньяка.

Дядя Арсен и тетя Сиран жили недалеко от моего дома. Прошло очень много лет. Но сейчас проходя или проезжая мимо дома 21 на проспекте Важа Пшавела, я всегда с особой теплотой и благодарностью вспоминаю этих замечательных тбилисцев.

Сергей Владимирович был весьма интересный мужчина, прекрасный рассказчик и всегда подтянутый и элегантный, являл собой пример глубоко порядочно-го человека во всех ситуациях в жизни, как и в науке.

В двух последних грузинских учебниках по почвоведению для студентов, которые вышли при моем авторстве с коллегами, даны рисунки и биографии нескольких самых выдающихся почвоведов. Среди них и Сергей Владимирович.

Он ушел из жизни 22 июня 2002 года на 97-м году жизни. Воспитатель целой армии ученых. Сергей Владимирович был и остается моим Учителем. Самым дорогим и любимым.

Гизо УРУШАДЗЕ

КТО МЕДВЕДЮ БОК ГРЕЕТ

Февраль – сшиби рог зиме.

Русская народная пословица

У многих третий месяц зимы связан со строчками Бориса Пастернака: *Февраль. Достать чернил и плакать!/ Писать о феврале навзрыд,/ Пока грохочущая слякоть/ Весною черною горит...* Или опять же пастернаковское: *Мело весь месяц в феврале,/ И то и дело/ Свеча горела на столе,/ Свеча горела...*

В феврале исполняется 95 лет с момента принятия в 1918 году «западноевропейского» календаря в России. Таким образом, использовавшийся юлианский календарь сменил григорианский.

Пришедшее из латинского языка название месяца – «февруарий», а церковнославянское – «снежень», «бокогрей», «сечень».

Вот цитата из Энциклопедического словаря Ф.Брокгауза и И.Ефрона:

«...С 153 г. до Р. Хр. начало года было перенесено на 1 января, и Ф. (февраль) занял в порядке римских месяцев второе место. Название месяца Ф. стоит в связи с обрядами очищения (februa, februae), которые приходи-

лись на праздник Луперкалий (15 февр. – dies februatius)».

В Древнем Риме проводился фестиваль под названием Луперкалии. Его проводили у подножия холма Палатина в гроте Луперкал, где, по преданию, волчица выкормила Ромула и Рема, основателей Рима. У язычников был силен пастушеский культ.

Но самое интересное, что по ритуалам Луперкалии напоминали культ Пана, заимствованный римлянами у древних греков.

Есть версия, что при правлении Папы Геласия I (V век н.э.), Луперкалии были отменены и введен День святого Валентина. По сей день пытаются выяснить, какой именно подразумевался Валентин – Интерамнский или Римский (оба относятся к раннехристианским мученикам).

Но исторически достоверно, что именно по указу Геласия I празднество Лупрекалий заменено на Сретение.

И поныне 2 (15) числа христианский мир отмечает праздник Сретения Господня – Принесение во Храм младенца Христа (на сороковой день от Рождества Хри-

стова), где их встречает Праведный Симеон.

По народному календарю Сретение совпадает с Громницей. Это единственный зимний день, когда может случиться гроза, что предвещает скорую весну. И неслучайна поговорка: *В Сретение зима с летом встретились.*

В США и Канаде 2 февраля отмечают День сурка. Эти зверьки считаются метеорологами. Если в этот день погода пасмурная, сурок, не боясь своей тени, выбирается из норы – это признак того, что скоро конец зиме. Мы тоже знакомы с этим зверьком по выражению, которое относят к тем, кто любит поспать: «Спит как сурок».

Удивительно, но древние римляне отмечали 2 февраля День ежа, который тоже пугается собственной тени.

Как говорят, все дороги ведут в Рим. Давайте, на этом и остановимся.

Все дороги ведут в Рим – это крылатое выражение стало популярным благодаря басне Жана Лафонтена «Третейский судья, брат милосердия и пустынный». Но появилось оно намного раньше, до раннего Средневековья – в период процветания Рима, последовавшего за этим бума в строительстве дорог, когда фактически все пути приводили в столицу великой империи.

Вечный город, город на семи холмах... Одним из них был холм Капитолий.

Словосочетание *Капитолийская волчица (Lupa Capitolina)* также относят уже к крылатым. История, связанная с ней, насчитывает века и уходит корнями в VIII век до н.э. Впервые ее упоминает в «Естественной истории» Плиний Старший. Интересно, что Марк Туллий Цицерон пишет о скульптуре «младенца, питающегося молоком волчицы». Заметим, что фигура волчицы – один из самых популярных скульптурных памятников во многих странах мира, включая Бразилию, Японию и Новую Зеландию.

Кстати, автором выражения *Всосать с молоком матери* был тот же Цицерон, употребив его в «Тускуланских беседах». За ним в IV веке подхватил фразу святой Августина Блаженный и упомянул в своей «Исповеди».

Возвращаясь к Луперкалиям, отметим, что аналогия им была и на Руси. 11 (24) февраля православные славяне поминают священномученика Власия Севастийского. А вот в язычестве в этот день отмечали Великий Велесов день. Велес (Волос) – «скотий бог», защитник домашних животных, также считается покровителем поэзии.

В диалектах некоторых русских сел до сих пор остались в употреблении слова «волосатик», «волосень», «елс» - нечистый дух. Есть народная примета: *Прольет Власий маслица на дороги – зиме пора убирать ноги.*

К месту будет сказано, что в 2013 году Масленица, она же Сырная седмица, пройдет с 11 марта по 17 марта.

В феврале научный мир празднует дату, связанную с «Историей государства Российского» - исполняется 195 лет со дня издания первых восьми томов Николая Карамзина. До последних дней своей жизни Николай Михайлович работал над рукописью «Истории», он планировал охватить и начало правления рода Романовых. Но не успел – 14 декабря 1825 года на Сенатской площади он простудился и скончался по прошествии нескольких месяцев.

Вот цитата из «Истории государства Российского»: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего...»

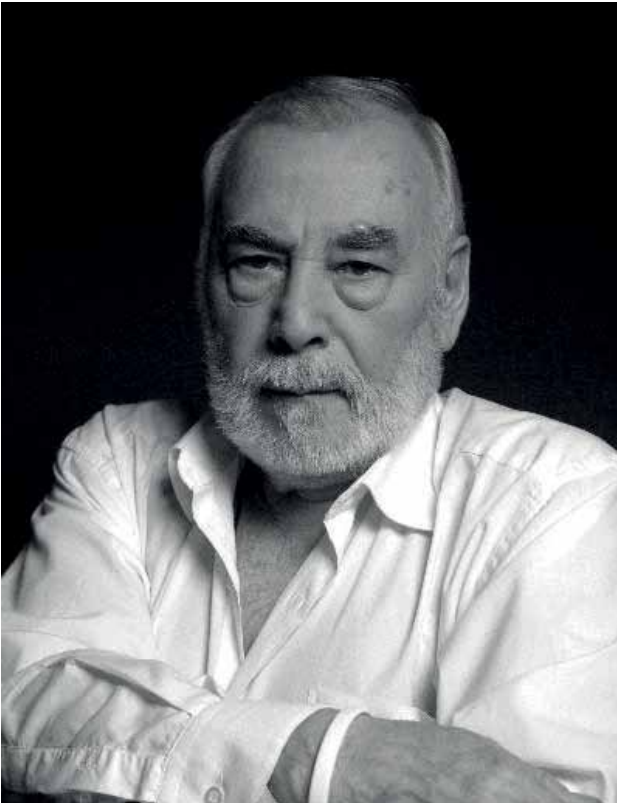
Немного перефразируя, можем сказать, что язык, устный и письменный, его богатство, заключенное в народных пословицах, поговорках, а также в многообразии фразеологических единиц, крылатых фраз, - та же самая священная книга, которую мы используем в повседневной речи, и постоянное изучение которой необходимо всем нам.

И хотелось бы закончить двумя четверостишиями Юнны Мориц из «Стихов о феврале»:

*Когда бы не звезда, плывущая над нами,
Не вихри фонаря в прохладе февраля,
Едва ль моя душа могла бы временами
Кормиться и кормить плодами словаря...*

*Едва ль, едва ль, едва ль события с именами
Не подняли бы шум в листе календаря,
Когда бы не звезда, плывущая над нами,
Не вихри фонаря в прохладе февраля.*

Алена ДЕНЯГА

▲ Гурам Сагарадзе

БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК С ДУШОЙ РЕБЕНКА

С Гурамом Георгиевичем я дружил тридцать четыре года. Когда я ставил в театре Руставели свой первый спектакль «Прекрасная грузинка», он сыграл в нем одну из главных ролей. Естественно, я страшно нервничал, и Гурам с самого начала репетиций создавал дружескую атмосферу, по-отцовски старался помочь своими советами. В этом спектакле он сыграл напыщенного, пылко влюбленного князя Дадиани.

Позже мы встретились на съемках моего телесериала «Дом в старом квартале», где Гурам выступил в зловещей роли «батони Жоры». Она принесла ему огромную популярность, внесла в его творческую жизнь какие-то новые штрихи, потому что раньше Сагарадзе не играл столь ярких отрицательных ролей. Актер воплотил образ злодея с такой мощью, с такой силой, что во время гастролей в разных городах зрители называли его не иначе, как «батон Жора!» Гурам Георгиевич шутя упрекал меня: «Что ты со мной сделал? Я играл Шекспира, читал Гете, и вдруг все об этом забыли и говорят: «Жора, Жора»».

Потом Сагарадзе замечательно сыграл в моей постановке «Пляски смерти» Стриндберга, причем его ввели в спектакль за несколько репетиций вместо Кахи Кавсадзе, который оставил нас в сложную минуту. Дело в том, что тогда мы открывали «Театральный подвал», причем именно этой постановкой. Гурам понимал, что должен поддержать новое начинание. Впрочем Сагарадзе как

гражданин – это особая, большая тема...

Последняя наша совместная работа – Клавдий в «Гамлете». По-моему, это одна из его лучших ролей. Мы с ним решили лепить Клавдия не как прямолинейного злодея. В нашем спектакле он с первой же секунды ощущает тяжесть своего греха. Дорвавшись до власти, Клавдий – Сагарадзе осознает, что совершенное им преступление перевешивает радость победы, он не может насладиться ею...

Актер играл сильно, масштабно, трагично. За исполнение роли Клавдия на международном театральном фестивале, проходившем во Львове, Сагарадзе получил приз – «Золотого льва». Спустя годы после этого я встретился с председателем жюри фестиваля, который являлся завлитом Национального театра Англии. Мы заговорили о спектакле «Гамлет», и он вспомнил игру Гурама Сагарадзе: «Конечно, этот актер играл лучше других. Но знаете, что еще заставило меня проголосовать за него? Потому что актеров такой генерации больше нет». И англичанин абсолютно прав...

Я много раз бывал с Гурамом Георгиевичем за пределами Грузии, где не знают его работ, но на него всегда обращали внимание, даже когда мы просто шли с ним по улице. Сагарадзе был артистичен, аристократичен, с особой осанкой, которая характерна для мудрых старых мастеров сцены. Его нельзя было не заметить! Ведь Гурам Георгиевич, помимо всего, относился к той категории людей, которые светят.

Несмотря на тридцатилетнюю разницу в возрасте, мы дружили. Гурам в свои восемьдесят четыре года оставался ребенком, у него была душа ребенка, и я обожал его. Мы дружили семьями, его жена Таня Бухбиндер была моей подругой, всю свою молодость я провел в их доме. На гастролях мы все время были вместе.

Часто я бывал вместе с ним в казино, без которого Гурам не мог жить. Сам я не играл в казино, просто сопровождал его, наблюдал, как он горел в азарте. Он по натуре был азартным человеком, не мог жить без азарта. А теперь его нет, осталась только память о большом артисте и большом человеке с душой ребенка.

Автандил ВАРСИМАШВИЛИ

▲ Тамара Белоусова-Шотадзе

АКТРИСА С ЕВРОПЕЙСКИМ СТЕРЖНЕМ

- Тамара Васильевна была выдающейся актрисой с европейским стержнем. Это выражалось и в ее особой красоте, и в каком-то природном аристократизме несмотря на то, что Белоусова родилась в селении под Одессой. Видимо, потому, что селение-то называлось Французское.

Николай СВЕНТИЦКИЙ

- Мне посчастливилось познакомиться с «царственной особой» театра имени А.С. Грибоедова – народной артисткой Грузии Тамарой Васильевной Белоусовой-Шотадзе в последние годы ее жизни, когда круг ее общения резко сузился... Причина – хвори, неизбежные в старости, уход из театра. Многие изменились в жизни актрисы и не в лучшую сторону. И лишь одно осталось неизменным: всепоглощающая любовь к театру. Помню, как тщательно подбирала Тамара Васильевна слова во время интервью по случаю юбилея, стараясь ничего не упустить. А потом, уже после моего ухода, продолжала звонить и звонить, чтобы добавить новый факт, чтобы исправить какую-нибудь неточность. Она жила тем, о чем рассказывала, - своим ярким прошлым, и не могла допустить ошибки, субъективности в оценке того или иного события или неполноты картины. Тогда мне было немного досадно, что приходится вновь и вновь возвращаться к уже готовому тексту. А сейчас корю себя за то, что не настаивала на новых подробностях и деталях. С Тамарой Васильевной ушла целая эпоха в истории театра Грибоедова – она была последней представительницей блистательной плеяды грибоедовцев, принесших театру всеобщую славу. На этой сцене она сыграла около двухсот ролей, создала множество ярких, запоминающихся образов.

Инна БЕЗИРГАНОВА

- Очень тяжело, печально на душе, когда из жизни уходят дорогие нашему сердцу люди. Покинула нас и Тамара Васильевна Белоусова, светлый, красивый че-

ловек. Еще молодым пришел я в наш театр. На первой встрече с труппой, волнуясь, взглядывался я в лица актеров, своих будущих партнеров, и думал – какие чудные, добрые лица. И мне хотелось как можно быстрее доказать, что я достоин их, что я тоже талантлив, и руки мои, отвечая на рукопожатия, дрожали. «Молодой человек, успокойтесь, не надо так волноваться! Жизнь в театре, правда, не так проста, но у вас, мне кажется, все сложится хорошо, я вам это предсказываю!» Передо мной стояла красивая женщина средних лет, и какая-то загадочная, как я отметил тогда, «леонардовская» улыбка играла на ее губах. Это доброе напутствие принадлежало Тамаре Васильевне, и потом не раз она поддерживала меня в трудные минуты, может, даже не сознавая того, поддерживала своей человеческой красотой, какой-то только ей присущей элегантностью. Она обладала неким магнетизмом, притягательностью как в жизни, так и на сцене. Публика обожала свою Тамару. И даже в последние годы, уже вне сцены, почти не выходя из дома, Тамара Васильевна говорила: «Для нас, актеров, главное – творчество. И мне помогает жить театр, мои воспоминания. Я переживаю, думаю о том, что происходит сейчас в Грибоедовском, огорчаюсь и радуюсь. Я всегда рядом с вами, мои дорогие! Этим и живу». Это было на последней нашей встрече.

Спасибо, Тамара Васильевна, за ту радость и тепло, которые вы дарили людям, своим зрителям, своим друзьям!

Валерий ХАРЮТЧЕНКО

- Когда я пришла в театр Грибоедова, здесь царили две актрисы – Наталья Бурмистрова и Тамара Белоусова, вызывающие всеобщее восхищение. Они стояли на пьедестале и казались очень маститыми, недосыгаемыми. А ведь Тамара Васильевна в тот период была еще молода – лет сорока, не больше. Помню, как в спектакле «Бесприданница» Островского я сыграла Ларису Огудалову, а Тамара Белоусова – мать моей героини, Хариту Игнатьевну. С тех самых пор прошло пять десятилетий совместных радостей и горестей, премьер и гастролей! Больно, что приходится прощаться.

Ариадна ШЕНГЕЛАЯ

- Тамара Васильевна была замечательной актрисой, очаровательной, кокетливой, обаятельной женщиной. Ее дом был полная чаша, а она – гостеприимной хозяйкой. И еще Тамара Васильевна была легким на подъем, компанейским человеком, наделенным чувством юмора. Помню наши чудесные девичники на Боржомской улице - в них обязательно принимала участие Тамара Белоусова. Мы тогда от души веселились, шутили, и нам было так хорошо вместе. Позднее на долю Белоусовой выпало немало тяжелых жизненных испытаний. Это отразилось на ее отношении к жизни – Тамара как-то сникла.

В работе над ролью она всегда старалась докопаться до сути, была дотошной актрисой, и могла любого режиссера довести этим. Зато был результат! Театр был для Белоусовой на первом месте, а семья – на втором. Она об этом всегда говорила. Муж, замечательный, интересный человек Давид Петрович Шотадзе, не хотел, чтобы Тамара работала в театре, и однажды настоял, чтобы она ушла. Но Тамара не представляла себя вне своей профессии и после годового перерыва вернулась на сцену. Только сильно пошатнувшееся здоровье заставило ее в конце концов уйти из любимого театра. Но до самого конца Тамара Васильевна живо интересовалась происходящим в театре Грибоедова, в деталях расспрашивала о премьерах, поездках, актерских удачах. И, конечно, вспоминала прошлое. Но не хотела никого видеть – не могла допустить, чтобы гости застали ее неухоженной, не в форме. А сил и здоровья для того, чтобы быть прежней красавицей Тамарой уже не было.

Валентина ВОИНОВА

1512-2972